

Виктор Далекый

Виолетта

Девушка со шрамом

18+

Виктор Далёкий

Виолетта, или Девушка со шрамом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Далёкий В.

Виолетта, или Девушка со шрамом / В. Далёкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

"Виолетта или Девушка со шрамом" - это авантюрный любовный роман. Герой романа Игорь поет в Клубе «Титан», где пользуется большой популярностью. В клубе он знакомится с Виолеттой, у которой есть парень из криминальной среды. У Виолетты на лице шрам, и это портит ее лицо. Несмотря на это, Жора, парень Виолетты, ухаживает за ней и преследует свои цели. Игорь тоже преследует свои интересы. Между парнями происходит конфликт. После драки от охранника клуба Игорь узнает такое, что понимает, Виолетту от Жоры нужно скорее спасать. Он увозит ее за город в дом друга, и там между молодыми людьми вспыхивает настоящая любовь. Для них открылись новые миры жизни, и они не хотят друг друга терять. Жора через знакомого коварно заманивает Игоря в расставленную ловушку. Молодые люди вынуждены расстаться на короткое время. Но это оказывается не так. Теперь они должны будут пройти через многие испытания и проверить свои чувства на крепость.

Содержание

Рискованная сделка	5
Поглощенные друг другом	44
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Рискованная сделка

В темном углу бара престижного клуба над столом висит красный китайский фонарик со свечей. Пламя ее горело ровно, но иногда от возникающего сквознячка оно начинало колыхаться и вилять. За столом сидели двое. Их тени двигались по столу и по стене. Когда пламя свечи начинало колыхаться, извиваться, по-змеиному вилять, эти тени казались искаженными до неузнаваемости и зловещими. Один сидел в костюме и в белой рубашке с расстегнутым воротом. Он выглядел человеком опытным, зрелым. По его сложению можно было предположить, что когда-то тот занимался спортом и скорее сего борьбой. Об этом говорила его крепкая накаченная шея, широкая грудь, округлые плечи и выпирающие на рукавах бицепсы. Другой выглядел крупным, грузным, и костюм на нем сидел мешковато. Он говорил с угрожающей рокочущей хрипотцой. Между ними шел серьезный разговор.

– Нет, – коротко и категорично сказал тот, который имел спортивный вид.

– Даю сутки, – хриплым голосом заявил вальяжный и толстый. – Потом пожалеешь.

Он встал из-за стола и направился в темноту прохода.

Другой с крепким телом подозвал к себе официанта и что-то ему сказал. Официант удалился и скоро вернулся. За ним шел человек уверенный в себе с мягкой походкой.

– Привет Док, – послышалось у стола и подошедший без приглашения сел за стол. Официант освежил стол, по жесту пришедшего с ним человека, принес новую выпивку и удалился.

– Привет Сэм, – ответил коротко сидевший за столом. – Ты приглядываешь за моей девочкой?

– Как договорились, Док.

– Значит, ты не забыл, что я для тебя сделал?

– Нет, не забыл, Док. Как я могу забыть?

– Значит, я могу на тебя рассчитывать?

– Да, можешь, – ответил Сэм и глаза его вспыхнули светом прежних дней. – А помнишь студенческие годы. Наша дружба... Док и Сэм. Мы гремели по всему институту.

– Да ... Док – Дмитрий Олегович Докучаев и Сэм – Семен Эдуардович Молодцов. Кто это придумал? По-моему, ты...

– Да, я.

– Мы неплохо тогда проводили время, Сэм.

– Были времена... Как твой шрам на подбородке? Мне показалось, что он совсем зажил.

– Если я не поднимаю голову вверх, то его совсем не видно. Мне тогда чуть горло не перерезали. А у тебя на спине шрам еще есть или заросло? – спросил Док.

– Еще виден. На пляже, когда отдыхаем на курорте, молоденькие девочки меня спрашивают, и тогда я им вещаю о героических буднях дяди Сэма.

Док опустил голову и о чем-то задумался.

– Так зачем ты меня позвал, Док?

– Видишь ли, Сэм... – Док поднял голову, посмотрел на друга. – Мне нужен человек.

– Какой человек?

Док нахмурился и сказал:

– Я сегодня встречался с Топором.

– Знаю.

– Когда-то мы с ним вместе работали, помнишь? Когда мы ушли из теневого бизнеса, он остался и поднялся на нем. Сейчас у него хорошие связи и наверху, и внизу. Он по-прежнему занимается наркотиками и работает с авторитетами.

– Я знаю, Док.

– Год назад я встречался с ним. Его люди подкатывали ко мне. Они хотели отжать наш бизнес.

– Я знаю, Док.

– И они хотели забрать этот клуб. Это лучший клуб в городе.

– И это я знаю, Док.

– Теперь я скажу тебе то, что ты не знаешь.

– Я слушаю, Док.

– У моей девочки появился ухажер. Ты знаешь мою девочку?

– Знаю, Док.

– Когда-то она была красавица.

– Не тяни, Док.

– Но после той аварии это стало не так. Все изменилось. Ты знаешь, я потерял тогда свою жену?

– Не томи, Док.

– Теперь у нее появился этот парень. Этот телок... Его зовут Бегемот... Это тебе ни о чем не говорит.

– Нет, Док.

– Настоящее его имя Георгий, Жора. Он ходит за моей дочкой по пятам и показывает ей преданность. Дочка говорит, что любит его. Но она не знает любви. В той аварии, ты знаешь, погибла моя жена. Моя дочка не знала, что такое материнская любовь. Я не мог ей дать того, что могла дать жена. Ради нее я не женился. Это все, что у меня есть. И я не верю, что он ее любит.

– Ты говорил, что у нее любовь.

– Говорил. Но недавно я узнал, что Бегемот... Жалко, что его кличка тебе ничего не говорит. Так вот... Бегемот, Георгий, он же Жора, – сын Топора.

– Вот оно что. Может быть, он хочет помириться с тобой?

– Нет. Это не что иное, как хитроумный план Топора отжать у меня бизнес. Через дочь... Я сегодня только что с ним говорил.

– Я знаю, Док.

– Наши дети назначили день свадьбы. Но я не дам им согласие на брак. Я не верю в то, что они любят друг друга. Он хочет воспользоваться мой дочерью. И когда я сказал ему, что не дам согласие на брак детей, он разъярился и пошел ва-банк. Он дал мне сутки, чтобы я изменил решение, иначе, он сказал, ты пожалеешь.

– Ты хочешь его убрать?

– Нет, это он хочет меня убрать. Я хочу его переиграть. Его план мне понятен. Он убирает меня до свадьбы или после. Это не важно. Виолетта выходит замуж за Жору. И они легально забирают у нее бизнес. Ее убирают через некоторое время после свадьбы. Она им не нужна.

– Понятно.

– Меня убирают в любом случае. Но речь не обо мне. О Виолетте... Поэтому я тебе говорю, мне нужен человек. Я за нее очень переживаю. Не хочу, чтобы у нее была еще одна травма. Хочу, чтобы она сама от него отвернулась. Он, этот человек, которого я ищу, должен разрушить отношения моей дочери. У тебя есть такой человек на примете?

– Предположим.

– Виолетта девушка с хорошим вкусом. Она знает языки, умеет одеваться. И он должен соответствовать ее представлениям о прекрасном.

Сэм с пониманием кивнул.

– У тебя есть такой человек? Донжуан, ловелас, дамский угодник. Женщины должны видеть в нем настоящего мужчину, самца. Он должен быть властителем их снов, зовущим к наслаждениям и удовольствиям. – Док расширил глаза и говорил с яростным посылом, увлека-

тельно, страстно. – От него должны исходить запахи любви, и все женщины должны сходить с ума, не давая ему прохода. Он должен быть властителем женским дум, воплощением мечты... Что ты на это скажешь?

– Думаю, что есть, – сказал Сэм так, словно знал, о чем говорит.

– Я хочу с ним поговорить.

– Сделаем, – сказал Сэм. – Подожди здесь.

Он поднялся и ушел.

Через пять минут к столику Дока подошел молодой человек в серебристом костюме, серебристых туфлях, светлыми волосами, с глазами газели, которые особенно хорошо смотрелись даже при ярком гриме.

– Мне сказали, вы хотите со мной поговорить, – сказал он.

Док оглядел молодого человека и сказал:

– Сынок, это твой ежедневный прикид?

– Костюм для сцены, – сказал Грэмми.

– Ты поешь в этом клубе. Я слышал, как ты это делаешь. Тебя, случайно зовут не Эрос? Или, быть может, тебя зовут Орфей? – с некоторой едва заметной иронией спросил Док.

Он подумал, что перед ним стоит настоящий блестящий и неотразимый ловелас. Этот мальчик несомненно ему подошел бы.

– Я должен готовиться к выступлению. У меня мало времени, – спокойно сказал молодой человек с трогательными глазами газели и озабоченно, томно, а на самом деле нервно, посмотрел на часы. Оценивающий пронзительный и жадный взгляд этого опытного взрослого человека ему не понравился. Он привык, когда на него смотрят с восхищением, любовью, покорностью. Поэтому он отвечал отрешенным, холодноватым, спокойным тоном. И этот спокойный холодноватый тон все-таки заставил поменять к нему отношение собеседника.

– Как тебя зовут? – спросил Док напористо и строго.

– Игорь... Гарик... В клубе меня зовут Грэмми... – ответил он. – Это мой артистический псевдоним.

– Садись, – показал на стул Док жестом, которому противиться казалось было невозможно. В этом жесте скрывалась сильная воля и властность.

Грэмми сел.

– Ты знаешь меня?

– Знаю.

– Я хочу поручить тебе одно дело. Ты должен обаять, влюбить в себя одну девушку. Соблазнить ее, если понадобится. Но это не главное условие. Ты должен сделать так, чтобы она влюбилась в тебя, потеряла голову.

Грэмми смотрел на Дока спокойными чувственными глазами человека, которому это ничего не стоит. Ему показалось, что этот человек полностью в его власти. Он видел, как меняется отношение того к нему, и ему хотелось насладиться этим состоянием.

– Я не занимаюсь такими делами, – ответил пренебрежительно Грэмми. – Подобных предложений у меня великое множество. Женщины предлагают мне любовь за деньги, девочки дарят мне свою девственность. Некоторые матери просят, чтобы я облагодетельствовал их дочерей за деньги. Мне это ничего не стоит, но я такими делами не занимаюсь.

– Я тебе хорошо заплачу, – сказала Док и от неудобства ситуации заерзал на стуле.

– Зачем вам это? – спросил Грэмми.

– Я же не спрашиваю тебя, нужны ли тебе деньги?

– Нужны.

– И мне это нужно. И я за это хорошо плачу.

Грэмми кивнул. Ему не хотелось в это влезать даже за деньги. Но теперь ему захотелось во всем разобраться.

– Я не хотел обо всем рассказывать. Но, видно, придется. У нее, у моей дочери, недавно появился молодой человек. Их отношения развиваются слишком стремительно. Они ходят все время вместе, и дело у них идет к свадьбе. Он говорит, что любит дочь. Но я ему не верю. Она говорит, что любит парня, но она заблуждается, потому что не знает, что такое любовь. Она слишком рано лишилась матери и была лишена ее любви. Я был все время занят делами и не мог ей дать того, что ей нужно. И теперь первый же парень, который за ней стал ухаживать, показался ей возлюбленным.

– Вы хотите проверить крепость их отношений?

– Я хочу разрушить их союз. Потому что... Потому что... – Док хотел сказать еще что-то, но замялся и не стал говорить. – Думаю, тебе не придется сильно стараться, потому что ее чувство держится на фальшивых ниточках и петельках.

Грэмми понял, что ему говорят не все. И это его задело.

– Нет, я не могу вам помочь, – сказал он. – У меня много своих дел.

– Хорошо, я тебе скажу все. У нее не было мужчин по определенным причинам, о которых я бы мог сказать позже. Я не верю, что она влюбилась в него так, как этого хотела и об этом мне все время говорила, до беспамьтства. Да, он крепкий парень, брутальный, с сильным характером. Такие добиваются своей цели, если знают, чего хотят. Только я не верю в то, что он ее любит. И ты потом поймешь, почему. И я не верю в то, что она его любит... Потому что она девушка, неискушенная в любовных делах. Она не знает, что такое кокетство и как можно кружить парням головы. Ты потом поймешь почему. И вот он сделал ей предложение, и теперь мое беспокойство выросло.

Грэмми и на это раз понял, что ему не рассказывают все. Кроме того, он не хотел заниматься тем, что могло бы его отвлечь от работы. Ему не нужно было завоевывать девушек, потому что они сами искали его внимания и давали то, что ему было нужно. Добиваться внимание неискушенной девушки его мало интересовало, если не сказать, не интересовало совсем.

– К сожалению, я такими вещами не занимаюсь, – сказал Грэмми.

– Не спеши с ответом. Ты не знаешь всех возможных обстоятельств нашего устного договора.

– Предположим.

– Ты не сможешь мне отказать... Не сможешь, и я знаю, почему.

– Почему?

– Я заплачу тебе столько, что ты сможешь уехать на Карибы или в любое место мира и жить там безбедно. Тебе не нужно будет зарабатывать на жизнь пением. Каждый вечер драть горло в кабаках на потеху публике и терпеть оскорбление от пьяных посетителей. Ты сможешь петь, когда захочешь, где захочешь и исключительно для себя.

– У меня есть сложности. Я коплю деньги, чтобы записать диск, – быстро нашелся Грэмми.

– Твои проблемы меня не интересуют, потому что они решаемы в русле моих проблема. И ты это сейчас поймешь. Я дам тебе столько денег, что ты запишешь диск и сможешь жить в свое удовольствие. Спроси меня: «О какой сумме идет речь?»

– И?... О какой сумме идет речь?

Док полез в нагрудный карман достал небольшой блокнот в кожаной обложке с золотым тиснением «ДОК». Он открыл его и в темноте замелькал белый клочок бумаги и ручка. Док взял ручку, что-то написал в блокноте и придвинул блокнот к Грэмми.

Грэмми заглянул в блокнот, испытывая некоторое разочарование. Наступило молчание.

– Да, но здесь всего на всего изображена цифра десять.

– Именно, – сказал Док.

– И что это значит?

– Это значит, что все остальное ты можешь дописать сам.

Эти слова смутили Грэмми еще больше. Он не знал, сколько нулей ему дописывать. Если он напишет мало нулей, то прогадает. Если он напишет много нулей?.. То их количество будет грозить ему смертельной опасностью. Он это чувствовал. Ему нужны были деньги, чтобы записать новый диск. Ему нужно было сосредоточиться на творчестве, чтобы сделать еще рывок и достичь заветных вершин музыкального Олимпа.

– Я плачу большие деньги не за прогулку по набережной, а за кропотливую напряженную непростую работу. Тебе придется постараться. Если ты не добьешься желаемого, то получишь пулю в лоб, то есть ничего. И она выйдет замуж за этого парня. Если ты сможешь разбить их пару, ты будешь король.

– Грэмми! Грэмми, тебе пора на сцену.

– Сейчас, – отозвался Грэмми, – услышав голос артистического директора Фрола.

– Да, но о ком идет речь? – спросил заинтересованно Грэмми у собеседника.

– Здесь есть один нюанс.

– Какой?

– Разве тебе это важно? – с издевкой спросил Док солидно с разлитыми бархатными нотками в голосе человека, который знает, что заинтересовал собеседника. – Я плачу деньги, кто бы она ни была.

– Но я должен знать, о ком идет речь, – нервно повысил голос Грэмми, чувствуя в словах собеседника издевку и понимание, что тот почти проглотил брошенную ему наживку.

– Ты прав, – согласился Док. – Прав... Потому что об этом должен знать заранее. Да, есть одно обстоятельство, которое лишит тебя наслаждения, когда ты возьмешь исполнять то, о чем я тебя попрошу... Нюанс заключается в том, что она не красавица. Можно даже сказать, что она страшная, страшилище, уродина. Но я не советую тебе повторять эти слова мне, когда ты захочешь мне их сказать. Да, она страхолюдина, уродина... – сказал со страданием в голосе Док. – Но ты должен понять, что она моя дочь. И в том, что она стала такой, виноват я.

Наступило молчание.

– Ты заколебался? Так да или нет?.. Так тебе нужны деньги или нет?

На поставленный вопрос не последовало ответа.

– Грэмми послышался снова голос артистического директора.

– Иду, иду...

– Тебя ждут...

Грэмми сидел и не решался уйти.

– Ты струсил? – издевательски спросил Док.

– Ничего я не струсил, – с нервом в голосе ответил Грэмми. – Где я могу ее увидеть?

– Здесь в этом клубе. Одна сторона лица ее искажена. Это ожег, шрам...

– Ожег?.. Я ее, кажется, видел.

– Волосы, где коснулся ожег, редкие, не слишком длинные. Когда-то они доходили до поясницы.

– Думаю, я знаю, о ком идет речь, – догадался Грэмми.

– От ее бывлой красоты остались одни глаза – фиалки. В этих глазах застыла боль от пережитого. На нее трудно смотреть. Она сама захотела пойти по клубам, чтобы стать такой, какой она хочет стать и раздарить свое тело всем тем, кто захочет ее принять. И тут она встретила этого парня.

– Ночная Фиалка? Это она... – Сейчас она в клубе? – спросил Грэмми.

Док посмотрел на часы. Они показывали семь часов вечера.

– Примерно в это время они приходят в клуб, – сказал Док.

– Мне пора на сцену... – сказал Грэмми и поднялся с места.

– Так что ты мне теперь скажешь? Ты согласен?

– Нет.

– У тебя нет выбора, – сказал Док так, словно все решил за Грэмми.

– Мне нужно подумать.

– Я знаю, тебе нужны деньги. Они всем нужны... И я могу тебе их дать.

Грэмми. Поморщился. Ему явно не хотелось браться за это хлопотное дело и связывать себя обещаниями.

– Грэмми!.. Ну, где ты там? – послышалось снова за кулисами.

– Иду, – крикнул Грэмми. – Мне на сцену, – сказал он Доку и пошел по коридору.

Док остался сидеть за столом один.

– Щенок... – подумал вслух Док. – Такое предложение могло обрадовать кого угодно.

– Как дела, Док?.. – послышалось рядом.

Док повернул голову, поднял глаза. Перед ним стоял Сэм.

– Ты договорился с ним, Док?

– Он мне ничего не ответил.

– Мой человек подходит тебе? – спросил Сэм.

– Подходит, но я не заметил, что он хочет взяться за мое дело.

– Это я возьму на себя.

– Он колеблется... Ему нужно, видите ли, подумать...

– Не волнуйся. Он сделает то, что тебе нужно. Поверь, я разбираюсь в людях.

– Пожалуй, ты его поторопи, Сэм. У меня нет времени ждать.

– Сделаем Док. Он вернется к твоему столику.

Грэмми вышел на сцену, залитую огнями софитов. Он пытался в зале увидеть ту, о которой ему только что говорили. Нет, в полумгле зала он не мог ничего рассмотреть. Начала звучать музыка, которая постепенно исподволь заполняла весь зал. Он входил в ее вибрацию, увлекательную силу и отключился от всего внешнего. Для него теперь существовала только музыка, его переживания и слова, которые растворились в нем, просили выхода и заставляли петь. Он пел, растворял свои чувства в песне. И в какой-то момент почувствовал, что зал принадлежит ему. Сотни глаз смотрели на него из темноты. Он чувствовал себя королем, волшебником, повелителем душ и бьющихся сердец. Он ощущал сигналы восхищения, которые шли из зала. Они пробивались к нему сквозь музыку, сквозь образ, в котором он находился. Как только он закончил исполнять свою песню «Мой Орфей», зал принялся аплодировать. Он спел еще несколько танцевальных песен и с поклонами покинул сцену. В состоянии эйфории он шел в примерку, чтобы переодеться к следующему выходу. В коридоре его встретил Сэм. Обычно он протягивал руку и с похвалой хлопывал его по плечу. «Молодец, парень, – говорил он, – ты хорошо делаешь свое дело». Грэмми улыбался, надеясь и в этот раз услышать эти слова. Улыбка не сходила с его губ. Но в этот раз Сэм почему-то смотрел на него хмуро.

– Сегодня ты что-то не очень спел, – сказал он недовольно.

– Как всегда, – ответил Грэмми.

– И с репертуаром нужно что-то делать. Где новые песни?

– У меня нет денег, чтобы записать новые композиции.

– У ворот клуба стоят в очередь музыканты, которые хотят работать в моем клубе. И они не говорят мне, что у них нет денег на записи хитов, – с раздражением сказал Сэм.

– Что случилось, Сэм, еще два дня назад, ты называл меня лучшей лошадкой в своей конюшне. Ты хвалил меня.

– Ничего, парень, но мне нужно, чтобы ты делал это еще лучше. На одних наркотиках и алкоголе далеко не уедешь. Нужен драйв. Хочу напомнить тебе, что весь твой антураж: квартира в центре города, машина люкс, костюмы – куплено на мои деньги. К тому же, тебе еще за кредиты рассчитываться нужно.

- Откуда ты знаешь о кредитах?
- Скажешь, что это не так?
- Так.
- За все нужно платить, мальчик.
- Я плачу.
- Слышал, у тебя появился новый заказчик?
- Да.

– Я этому человеку кое-чем обязан. Если ты откажешься ему помогать, я буду вынужден выкинуть тебя из клуба, как котенка, к чертовой бабушке.

«Вот в чем все дело», – подумал Грэмми. Теперь уже нахмурился он. Это все меняло дело. Последние интонации Сэма, говорили о том, что церемониться с ним никто не будет. Грэмми опустил голову и выглядел раздавленным. Громила Гром за спиной Сэма улыбался той улыбкой, которая говорила, что он выкинет Игоря из клуба лично, без всяких сожалений и с удовольствием. Между ними давно сложились такие симпатии, когда один ненавидел другого, а тот платил ему тем же. «Уж этот-то постарается», – подумал Грэмми. Еще несколько минут назад он пребывал на вершине Олимпа, чувствовал себя, как царь и бог. Он совсем забыл о том предложении, которое ему сделали. Он выкинул его из головы. Теперь ему придется думать об этом, потому что об него только что вытерли ноги.

– Иди, тебя ждут, – сказал Сэм и кивнул в сторону столика, где сидел Док.

Конечно, у него был выбор. Потерять все и пойти ко дну или попытаться выкарабкаться из этой передраги.

Словно побитая собака он поплелся к столику Дока.

– Ты подумал? – спросил его Док, когда тот вернулся к столику и сел рядом.

– Да, я согласен, – ответил Грэмми отрывисто и решительно.

– Есть еще один нюанс, – сказал Док. Это слово «нюанс» он произносил с особым вкусом, как будто сосал леденец. – У тебя могу появиться проблемы. Так вот пока ты занимаешься моим делом, я гарантирую тебе жизнь. Понял?

Грэмми поднял глаза и посмотрел на Дока. Сказанные слова означали, что у него могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, но о них он может не думать. Если ты соглашаешься, то получишь... – Док взял из блокнота ручку и приписал к десятке нули. – Если ты выполнишь наш договор, то получишь еще столько же. Не выполнишь, тебя ждет пуля в лоб.

Грэмми вздрогнул и снова посмотрел на Дока. Холодок пробежал у него по спине.

– Шутка, – сказал Док, горько улыбувшись углом рта. Губы у Дока почти отсутствовали. Его рот был, как будто распорот ножом от щеки до щеки. И улыбка его просто немного искривила рот. – Не волнуйся, я знаю, что ты сможешь исполнить наш уговор.

– Держи... Это задаток. – Док убрал блокнот, из нагрудного кармана небрежно достал пачку денег и бросил на столик перед Грэмми. – Ты должен расстроить их союз, – сказал он, встал и пошел по коридору к выходу.

«Приличная сумма, – пронеслось в голове у Грэмми. – Если учесть, что такую же я получу после любовного приключения». Именно так он теперь относился к возложенному на него делу – любовное приключение. Он не прикидывал, как потратит деньги и на что, предполагая, что этого будет вполне достаточно на все. Грэмми взял со стола стопку денег, убрал во внутренний карман пиджака и посмотрел в спину удалявшегося Дока.

Спина этого человека выражала силу, надежность и непоколебимость.

Грэмми поднялся. Ему не пришлось приписывать к десятке нули. Он оказался в положение человека, который согнул спину. Через тридцать минут у него должен был состояться второй выход.

– Молодец, парень, – послышалось со спины.

Сзади к нему приближался Сэм и его охранник-громила Гром. Сэм хлопнул его по плечу и сказал:

– Так держать, парень. Мы с тобой еще поработаем.

В гримерке Игорь снял блестящий костюм, светлый парик и достал из шкафа черный облегающий комбинезон с розовым капюшоном из тонкой кожи, натянул комбинезон на тело с брюками в обтяжку, широкими рукавами и заметными вставками на плечах, которые делали его фигуру романтической и мужественной. Вокруг глаз кругами лег черный цвет грим и по ним красные круги. Он готовился исполнять песню: «Другие миры». Кто-то открыл дверь гримерки и голосом арт-директора произнес:

– Грэмми, у тебя десять минут.

– Иду, – сказал Игорь и надел сверху комбинезона пиджак с длинными фалдами.

Он быстро шел на сцену и фалды развевались за ним. Кошачьими вкрадчивыми движениями он вышел на авансцену сразу, как только над ней пролетела серебряная летающая тарелка, под музыку вступления песни «Другие миры». Это был его хит в выступлении на сцене клуба. Он искал способы показаться на музыкальном телеканале, но пока это у него не получалось. После первого куплета он взял высокую ноту, и тут же послышался восхищенный свист, одобрительные крики. Он допел песню под визги, крики и рукоплескания. Снова произвел фурор и вслед своего хита спел несколько песен. Время от времени он поглядывал в зал. Девушка со следами ожога на лице сидела справа от бара. Она почти не смотрела на сцену и увлеченно болтала с крепким парнем. В заключение выступления он спел песню: «Счастье в ответ». Под аплодисменты Грэмми спустился в зал в сопровождении поклонниц, сел за столик недалеко от девушки с изуродованным лицом и крепким парнем. Девочки из зала стали его обнимать, целовать в щеки. Он позволял им это делать. Это кипение вокруг него никак не могло успокоиться. Девушка со шрамом на лице по-прежнему не обращала на него никакого внимания и продолжала общаться с парнем. Кто-то подходил к его столику, предлагал вместе выпить, приносили цветы, бокалы с шампанским. И все было бы, как всегда и как раньше, они выпили и поехали бы к нему на квартиру веселиться. Но теперь так не могло произойти. У него в кармане лежала пачка денег, которая заставляла его действовать вопреки всему прежнему. В зале звучала музыка, которая не давала говорить друг с другом. Но она не мешала, потому что и так было понятно, что каждый хотел сказать другому. В этом даже был необыкновенный шарм, восторг и восхищение. Все выпивали и дарили другим радость бытия. Можно было общаться, не вдаваясь в подробности. Когда один говорил что-то непонятное, другой ему просто кивал, как будто понимал все казанное в нюансах. Деловые разговоры здесь никто, никогда не вел. Грэмми болтал с девчонками и ребятами, незаметно поглядывая на девушку со шрамом на лице. Почему она не обращала на него внимания, когда все искали его взгляда, его внимания и его слов. Что она нашла в этом парне, крепком, лобастом самолюбивом? Темный свитер на нем казался довольно заурядным. Но в клубе появлялись время от времени люди, одетые неброско. Такое себе позволяли или очень влиятельные и состоятельные люди, которые могли позволить себе игнорировать правила клуба, завсегда и или темные личности, которые бравировали своим видом. Однажды Грэмми наблюдал, как на одной из вечеринок появился невзрачный человек в очках, с лысиной, полноватый с заметным животиком, в тренировочных штанах и спортивной майке. Выглядел он не лучше бомжа с улицы. Единственное, что его могло отличать от бомжа это ухоженность, стрижка и чистое белье. Но к этому нужно было присмотреться, чтобы понять некоторое несоответствие самого человека и статусности события. Вел он себя вполне обычно, без напряжения, без особых жестов, которые могли бы его отличить от других посетителей. К нему подошел один молодой охранник клуба и сказал: «У нас в таком виде появляться не принято». Он взял неизвестного за руку и повел к выходу. Через мгновение к нему кинулся администратор вечера и попросил оставить невзрачного человека

в покое. Потом отвел молодого охранника в сторону и тихо сказал: «Вы здесь больше не работаете». А начальнику службы охраны были сделаны соответствующие порицания за то, что тот не проинструктировал подчиненного. Невзрачным человеком оказался олигарх, который не хотел, чтобы его охрана доминировала на банкете. Это именно он собрал всех гостей в клуб, чтобы отметить свой юбилей.

Грэмми смотрел на девушку со шрамом от бывшего ожога на лице со следами морщинистой испорченности. Эта парочка явно не подходила друг другу. Парень выглядел уверенным в себе увальнем с большими амбициями и тупым взглядом, в которых тлел ближний свет. Грэмми отмечал, что у одних людей в этой жизни глаза горели ближним светом. И эти люди жили одним днем или максимум двумя-тремя днями. У других людей в глазах горел дальний свет. Такие люди видели свою жизнь далеко и казались успешными, прозорливыми умниками. И еще в этой жизни были такие люди, у которых в глазах свет угасал или не горел совсем. Глаза этих людей выглядели, словно погасшие лампочки. Они были, как бы обращены внутрь себя и светили куда-то вглубь, в темень исчезающей жизни. Такие глаза бывают у людей, которым оставалось недолго жить. Этот крепкий парень знал, чего хотел, и, должно быть, никогда не упустил своего. Мало того, он никогда не отступался от намеченного и желаемого. От него исходила какая-то потаенная угрюмая сила. Он всех подавлял своим присутствием. В нем чувствовалась скрытая угроза. Крупный, сильный, уверенный в себе. Больше всего в нем раздражало, как он ел. Жадно, мощно, небрежно двигая челюстями. Он подавлял всех, кто находился около него, только своим присутствием. Упрямство, неуступчивость, неудобность казались его характерными составляющими. Этот парень мог стать большой проблемой Грэмми. Глядя на него, он вполне понял слова Дока: «Я буду гарантией твоей жизни». Весь образ это парня вызывал у Грэмми неприятие и отталкивающее чувство. Девушка, наоборот, привлекала, притягивала к себе внимание. Она поражала стройностью, гибкостью и скрытой эмоциональностью, которая иногда проявлялась в движениях. Ее высокая и выдающаяся грудь притягивала взгляды, тогда как лицо отталкивало. Ее можно было бы назвать красавицей, если бы не испорченность лица. Грэмми видел в ней что-то загадочное. Она не вела себя так, как ведут люди с комплексом неполноценности из-за видимых внешних дефектов или скрытых внутренних психических расстройств, процессов, связанных с переживаниями и болью. Она, наоборот, как будто демонстрировала свою состоятельность, совершенность и своеобразную особенность. Ее походка отличалась гибкостью, чувственностью и порывистостью. Она улыбалась открыто, без стеснений, как будто у нее не было шрамов и увечий на лице. В то же время зубы девушки казались тоже выглядели непрезентабельно: гниловатыми, подпорченными. Ощущение от девушки складывалось такое, как будто она ходит с маской на лице – настолько разительным представлялось несовпадение внешнего и внутреннего этого человека. Длинные волосы она все время отбрасывала назад и расправляла их руками за спиной. Иногда она их перебрасывала на грудь и расправляла на груди. И в длинных волосах Грэмми тоже разглядел некоторую испорченность. Причем со стороны, где виднелся на щеке ожог, они выглядели немощными. Грэмми боялся, что она поймает его взгляд, и поэтому все время после рассматривания отводил глаза в сторону.

– Зачем она тебе? – спросила Настя, девушка, которая считала его своим парнем. Хотя он не давал ей для этого никаких оснований.

Она его любила и тонко чувствовала, его настроения, чувства и устремления. Ему даже становилось не по себе, когда она угадывала про него все. И сейчас она поняла про него больше, чем все другие.

– Ты не могла бы его пригласить на танец? – вместо ответа спросил просто он.

– Кого?

Игорь кивнул на крепкого парня, который сидел с девушкой.

– Ладно, только сегодня я поеду к тебе домой без твоей свиты и твоих почитателей.

Настя подошла к крепкому парню и пригласила его на танец. Игорь понял это по тому, как она склонила к нему голову. Тот сначала отказался, но потом, когда девушка с испорченным лицом кивнула, попросила того, тот согласился и пошел танцевать с Настей.

Игорь тут же поднялся, подошел и подсел к девушке со шрамом за столик.

– Здравствуйте. Меня зовут Игорь.

– Допустим, – настороженно ответила девушка с испорченным лицом.

– Сценический псевдоним – Грэмми.

– Я знаю...

– Песню об Орфее я пел для вас.

– Так вот ты какой златовласый Орфей, – сказала загадочно девушка и улыбнулась.

Ее фиалковые глаза как будто заглянули ему в душу, на самое дно и как будто нашли там свой отклик. Ее высокая грудь его волновала, как мужчину. Он испытывал большое волнение. Но в то же самое время ее лицо как бы отталкивало его. Ему хотелось смотреть только в глаза, в эти прекрасные фиалковые глаза. Именно тогда он переставал чувствовать дискомфорт.

Девушка помедлила, словно приходила в себя, не желая знакомиться, и сказала:

– Виолетта.

– Я думал, вы скажете Фиалка.

– Почему Фиалка?

– Глаза... У вас фиалковые глаза... Голубые с розовостью, которую встречалась еще у сирени.

– Да, мне это говорили.

– Здесь вас все так называют Ночная Фиалка, – сказал он. – Интересно, почему вас называют Ночная Фиалка?

– Ночные фиалки – это такие цветы. Днем они невзрачные, блеклые, вялые, незаметные, а к ночи они распускаются, становятся предельно привлекательными, красивыми и пахучими. Их жизнь начинается только ночью. Если ночью выйти в сад, где они цветут, то их запах начнет сводить с ума легкими, кружащими голову сладкими ароматами.

– И кто же первым назвал вас Ночной Фиалкой?

– Я сама. Когда я появилась в клубе меня кто-то спросил: «Как вас зовут?» И тогда я, чтобы отстали, ответила – Ночная Фиалка.

– Этот цветок однолетник?

– Да, он цветет один месяц. Иногда бывает расцветает и на следующий год.

– Наверно вы действительно похожи на ночную фиалку. Я видел в клубе много девушек, которые похожи на мотыльков однодневок. Они мелькают день-два, месяц и потом пропадают. Вы здесь совсем новенькая и не похожи на мотылька.

– Думайте, что хотите. Это ваше право.

– Кто этот парень, что вас сопровождает? – спросил Грэмми – Это ваш телохранитель?

– Почему вы так думаете?

– Потому что он крутится возле вас.

– Это ничего не означает.

– Я заметил, что вы за все платите.

– Мне нравится за все платить самой. Это мое кредо. Я самостоятельная девушка.

– Вы его кошелек, а он ваш бойфренд.

– У него достаточно средств. Просто он из тех людей, которые любят, когда платят за него. Точнее сказать, он никогда не спешит расплатиться. Но, когда нужно заплатить, он делает это щедро.

– Зачем он вам?

– Не каждый молодой человек захочет общаться с девушкой такой, как я.

– Так вы его купили? – решил поддеть ее Грэмми.

– Жора не из тех, кого покупают. И мне не нравится формулировки в отношении людей, когда речь идет о покупке.

– Это романтическое ханжество, – улыбнулся Грэмми. – Мы давно живем в таком мире, когда отношения между людьми урегулируются финансовой составляющей. Сейчас везде, когда хотят выяснить отношения, говорят: «Сколько ты стоишь?» Я прихожу выступать в новый ночной клуб, в шоу на телевидение и меня везде спрашивают: «Сколько ты стоишь?» Сначала меня это тоже коробило. Теперь привык.

– Я так понимаю, это вас покупают и продают, – с издевкой спросила она.

Он сразу понял, что она хотела его задеть и обидеть в ответ на его слова о ее друге.

– Что делать. Меня покупают и продают оптом и в розницу. Оптом, когда дают работу и в розницу, когда покупают билеты на мои концерты.

Ночная Фиалка посмотрела вверх за спину Грэмми и сказала:

– Знакомьтесь, это Жора.

В тот же момент Грэмми почувствовал угрозу за спиной. Ему показалось, что кто-то хочет со всей силы садануть ему по голове. Грэмми оглянулся и за спиной увидел крепкого парня и Настю, которая стояла рядом с ним.

– Привет, – дружелюбно, сказал он, снова чувствуя угрозу до холодка в спине. – Я Грэмми. Мы тут с твоей девушкой беседуем, пока ты с моей девушкой танцевал.

Парень промолчал и смотрел на Грэмми с пренебрежением человека, который знает, как поступить, когда пристают к его девушке. В его глазах чувствовалась твердость камня, которая не располагала к разговорам.

Снова зазвучала музыка. Она помогла Грэмми, как прежде, обладать собой.

– Можно вас пригласить на танец, – обратился Грэмми к Ночной Фиалке. Он позволил себе эту наглость, чтобы остаться рядом с ней. Он поднялся с места и нарочито повернулся спиной к Жоре. В этот момент он снова почувствовал, что его хотят ударить по голове. – Всего один танец. Прошу не отказать бедному артисту, который целыми днями отдает свое сердце и душу зрителям и слушателям.

Ночная Фиалка встала и посмотрела на Жору. Тот застыл, как каменная глыба.

– Я вас прошу, – снова сказал Грэмми, заметив, что Ночная Фиалка колеблется.

– Пойдем-ка выйдем, – сказал ее парень и перехватил руку, которую Грэмми протянул Виолетте.

Грэмми нехитрым приемом выдернул свою руку и снова изящно протянул Ночной Фиалке. Ее глаза снова смотрели ему прямо в душу. Она хотела общаться с ним, но все еще колебалась. И чем дольше он на нее смотрел, тем они становились ближе друг к другу. Она тоже не могла отвести взгляд от его глаз дикой газели. Между ними словно протянулись невидимые нити, по которым шли токи понимания, объяснения непонятого. Это было чувственное волнение, которое поднималось из глубин души и прилиvalo к щекам, несло жар телу, заставляло горячую кровь быстрее бежать по венам. Настя все поняла, демонстративно развернулась и ушла. Грэмми этого не заметил.

– Ты что, не слышишь? – спросил парень Ночной Фиалки и положил тяжелую руку на плечо Грэмми.

– Не торопись, – ответил Грэмми и снял тяжелую руку с плеча. – Вечер еще продолжится. К тому же мне нужно снять концертный костюм. Он немного сковывает движения. Это может помешать нашему разговору тет-а-тет. – Он нарочито повернулся к Ночной Фиалке и попросил. – Очень прошу! Не откажите...

Его глаза газели горели и в них светился дальний свет. Именно он и привлек ее. Эти глаза так нравились девушкам. Он знал, когда холодные каменные глаза девушек начинали плавиться и становились теплыми податливыми под этим его взглядом и превращались в цветы.

– Она не хочет с тобой танцевать, – грозно сказал Жора и снова взял его за плечо.

– Хочет, – улыбнулся Грэмми, угадывая ее желания и, вдохновляясь ее глазами, движением плеча сбросил с себя тяжелую руку.

Ночная Фиалка смутилась и, еще раз посмотрев на своего парня, словно просила не обижаться, и неуверенно пошла танцевать. Грэмми бесцеремонно взял ее за руку и повел за собой. Парень двинулся за ними, схватил его за плечо. Но Грэмми легко вывернулся. Тогда Жора снова потянулся к нему рукой, которую Грэмми довольно резко перехватил и отодвинул от себя. Теперь от серьезного и жесткого разговора с выяснением отношений было не обойтись.

– Зачем вы меня схватили за руку и потащили танцевать? – спросила Ночная Фиалка. – Может быть, я не хочу, – сказала она.

– Вы хотите со мной танцевать. Об этом мне сказали ваши глаза.

– Вы сами не знаете, что сделали. У вас будут большие хлопоты. Жора такое не прощает.

– Мне до этого нет никакого дела, – экзальтированно и веско заявил он, отмечая ее сомнения.

– А вы смелый, – с удивлением или с восхищением сказала она и посмотрела на него по-другому. – Хотите потанцевать с уродиной и страхолюдиной?

– Да. Я не могу разгадать вашу загадку. Вы как сумочка с двойным дном.

– Интересное сравнение.

– Да, я смотрю... Какая изящная сумочка!..

– У которой есть скрытые возможности и заметный изъян.

– Мне, кажется, вы бравируете своим внешним видом.

– Думаю, что никто не хотел бы оказаться на моем месте.

– Не пойму, что в вас такое есть, что заставляет меня оставаться подле вас, словно на привязи. У вас не слишком привлекательное лицо.

– Скажите откровенно... Я страхолюдина, – улыбнулась она.

– Да, но почему же из-за вас готовы подраться два парня.

Ему не понравилось, что она улыбается и в следующую секунду это заставило его быть еще резче.

– Да, можно сказать, вы уродина. Но мне на это решительно наплевать. Так что же в вас такое есть? Может быть, ваши фиалковые глаза? Не часто встретишь глаза – фиалки. Они такие выразительные и увлекательные. Я, когда смотрю в них, кажется, я иду по ступенькам в небо. Поднимаюсь на какие-то неведомые высоты. И когда я смотрю в них, как сейчас, то не вижу в вас никакой ущербности. Не пойму, почему это так?

Она молчала и делала вид, что ее это совсем не касается.

– С одной стороны вы мне нравитесь. С другой стороны...

– С другой стороны... Я вас пугаю, вызываю отвращение... Вы это хотели сказать? – с вызовом спросила она.

– Так почему же вокруг вас крутится этот тип, этот бойфренд? Не думаю, что это жалость. Это что-то еще.

Так с какой стороны я вам больше нравлюсь? Может быть, у вас искаженное представление о прекрасном? Вы в детстве, наверно, любили смотреть ужастики? Вам нравятся уроды и мертвецы?

– Мне глаза ваши нравятся. В них я вижу безграничные фиалковые поля. Я иду к ним, и они меня не обманывают. – Игорь привлек ее к себе и неожиданно заговорил на «ты» – Не понимаю, как в тебе при твоём внешнем виде, с таким дефектом лица удастся не испытывать разных комплексов неполноценности? Такие люди остро ощущают дефицит положительного внимания. Что за этим стоит? Ты как будто бравируешь своим уродством. С другой стороны, все понятно... Ты кошелек... А кошелек может быть сколько угодно уродливым, лишь бы был всегда полным. У тебя состоятельные родители? Кто они?

– Какая разница?

– Я хотел это знать. Ты скромна, имеешь достоинство и ведешь себя так, как будто ты переодетая принцесса. Это внутри тебя бьется...

– Я такая, какая есть.

«У нее превосходная талия. Совершенно не угасшие, не притупленные реакции. Она тонко все чувствует и остро отвечает на вопросы. Она хорошо образована. У нее зубы с изъяном, что казалось из-за шрама. Что я к ней испытываю? Я ведь к ней что-то испытываю. В ней есть какой-то манок».

– Так как вы думаете, ваш бойфренд с вами встречается, потому что вы вскружили ему голову, из жалости или из-за денег?

– Вы хотите сказать, что он встречается со мной из-за денег?

– Именно это я и хочу сказать.

– Но у меня нет денег.

– Наверное, у него есть другая информация.

Грэмми говорил так, потому что понимал, что ее отец богатый человек. Он это знал. А она не знала, что он это знал.

– Он хочет сделать мне предложение. Скажу иначе. Не сегодня – завтра он сделает мне предложение.

Музыка закончилась, и они стояли посреди зала одни.

– Я тоже хочу вам сделать предложение, – уверенно сказал Грэмми.

– Не поняла.

– Давайте смотаемся отсюда. Вы и я... Я вам покажу такие места города, которые вы и не видели. Или поехали ко мне, к моим друзьям и проведем чудесный вечер.

– Вы с ума сошли. Вы не понимаете, что оскорбляете меня этим предложением?

– Романтичный вечер узнавания друг друга, с разговорами о прекрасном. Что в этом плохого?

– Не думаю, что это может состояться. Мне кажется, это плохая шутка.

– Нет, я на полном серьезе.

– Слишком рискованное предложение с вашей стороны, – сказала она и отвернулась, чтобы отойти.

И тут к ним подошел ее бойфренд.

– Иди, сядь за наш столик, – сказал он Ночной Фиалке. – Нам нужно поговорить.

– Жора, я тебя прошу, не надо.

– Иди, – попросил он ее.

Как только она отошла, тот придвинулся к Грэмми вплотную и сказал:

– Что тебе нужно от моей телки?

– Мы просто общались.

– Но кто тебе позволял с ней общаться?

– Я по велению души и движению сердца, – сказал Грэмми довольно легкомысленно.

– Ты слишком много себе позволяешь.

– Она особенная. И это меня привлекло.

– Я запрещаю тебе на нее даже смотреть.

– Но у меня появились на нее свои виды. Я хочу пригласить ее работать в свое шоу.

– У тебя появились хорошие перспективы и виды на больничную койку. Это в лучшем случае. В худшем случае это может оказаться морг.

Парень склонил голову и приблизился к Грэмми так близко, что изо рта у него пахло чудовищным амбре. От него шел запах плохо переваренной пищи перемешанной с только что выпитым спиртным. Это был такой отвратительный коктейль, такое гадкое смешение запахов, что все это могло вызвать естественную рвоту.

Грэмми отвернулся и ничего не сказал. Запах ему был слишком противен.

– Выйдем, – коротко рыкнул парень, переходя к действию, и дернул Грэмми за лацкан костюма на себя. – Я тебе все подробно объясню.

– Я только сниму концертный костюм, – ответил Грэмми, понимая, что от разговора ему не уйти. – Дружище, подожди меня на улице.

Грэмми отошел от бойфренда и направился в гримерку, обдумывая, как ему поступить. Его могли покалечить ни за что, ни про что. Просто уйти от разговора у него не получится. Ему нужно было продолжить знакомство с Виолеттой. Но оказаться битым ему не хотелось. Пусть даже девочка того и стоила. Дело было даже не в ней, не в тех, деньгах, которые он получил и которые лежали у него в нагрудном кармане пиджака и которые он еще мог получить. Дело в его карьере и самом принципе. Он выступал в этом клубе, его здесь все знали. И он мог себе здесь кое-что позволить, например, потанцевать с выбранной девушкой. По пути в гримерку он зашел в кабинет к боссу.

Сэм сидел за столом и смотрел порнофильм. Это сразу было понятно по звукам, которые наполняли его кабинет и потому, в какой позе он сидел и как вперились глазами в экран монитора.

– Если вы хотите, чтобы я завтра вышел на сцену, то вам придется обо мне позаботиться, – сказал он, стоя у двери.

– В чем дело? – отвлекся Сэм от экрана, в котором продолжались сексуальные оргии.

– Это же вы меня втянули в эту грязную историю с девчонкой, у которой испорчена мордашка.

– Погоди... Погоди... – Сэм снова посмотрел на экран в самый кульминационный момент и снова посмотрел на вошедшего. – Ты, о чем?

– Меня хотят побить, украсить мое лицо синяками, ссадинами и шрамами.

– Кто это хочет?

– Парень, который ходит с девочкой вашего друга.

– Иди. Я скажу охране, чтобы тебя не дали в обиду.

Грэмми зашел в гримерку, переоделся и пошел к выходу из клуба. Ночная Фиалка сидела за стойкой бара и ждала бойфренда. К ней он мог вернуться только победителем.

У выхода на площадке перед клубом его уже ждали. Тот парень и еще человек пять, которые стояли чуть в стороне. «Ого, – подумал Грэмми. – Такой аншлаг мне не нужен». Он оглянулся. Охранники, которые шли за ним следом, почему-то не вышли.

– Иди сюда, – позвал его бойфренд.

Понимая, что будет происходить дальше, Грэмми не стал стоять у двери, из которой вышел и приблизился к парню Ночной Фиалки.

– Что испугался?

Грэмми непринужденно улыбнулся.

– Поговорим, как джентльмены, – сказал он и по выражению лица стоявшего напротив понял, что ничего подобного между ними не состоится.

– Узнаешь, как к чужим девушкам приставать, – грозно сказал противник и замахнулся.

«Слишком широко», – отметил Грэмми и, поднырнув под его руку, ударил кулаком в печень. Парень схватился руками за печень, но он оказался сильным и уже в следующее мгновение его кулак полетел Грэмми в правую скулу. Тот отклонился назад и махина, сжатая из пальцев, пронеслась у него перед носом. Разъяренные кулаки бойфренда вот-вот могли его смять и опрокинуть. Грэмми сделал еще шаг назад и тут же с нырком увернулся от нового удара в скулу. И на этот раз кулак-гирия, снаряженная весом килограмм в тридцать пять – сорок ядром пронеслась над ним, задевая холодком макушку. Удары наносились и справа, и слева. Грэмми изящно уходил от них, словно в танце. Но один удар все-таки пришелся ему вскользь по левой скуле. Он увернулся, почти ушел от удара, но тот вскользь прошелся ему по скуле и заставил потерять равновесие. Грэмми упал и покатился по асфальту до первой ступеньки, которая вела

в клуб, остановился и тут же попытался встать. В это время к нему разъяренным бегемотом уже бежал парень Ночной Фиалки. Грэмми тут же вскочил на ноги, готовый дать отпор.

В это время из клуба выскочило трое замешкавшихся в коридоре охранников, которые принялись отбивать Грэмми у парня Ночной Фиалки. И тогда пятеро, которые стояли в стороне, набросились на охранников. Через некоторое время на площадке дрались уже человек пятнадцать. Послышались выстрелы, раздался взрыв, появился дым. Охранники оттащили Грэмми в сторону и затолкали обратно в клуб. На выходе из клуба толпились посетители, которые хотели уйти, но испуганно жались у двери. Их начли выпускать через запасной выход. Перестрелка устроила серьезную панику. Грэмми отправился искать Ночную Фиалку. Ее не трудно было найти, потому что она вопреки всему происходящему оставалась сидеть за стойкой бара.

– Пойдем, нам лучше отсюда уйти, – сказал Грэмми.

– Что у тебя со щекой?

– А что у меня со щекой?

– Кровь... Это кровь...

– Пустяки... Царапина... Пойдем же... – он взял ее за руку и поднял со стула.

– А где Жора? – спросила она.

– С этим потом разберемся.

– Я никуда не пойду. Я буду ждать Жору, – сказала она, высвободила из его руки свою руку и села обратно на стул.

– На улице небольшая стычка переросла в крутую драку с выстрелами и взрывами. – сказал Грэмми и снова взял ее за руку.

В зале запахло дымом. Как будто кто-то поджог клуб.

– Нам нельзя здесь оставаться.

– Где Жора? Почему он меня оставил здесь?

– Такие люди никого не любят, кроме себя.

– Нет, это не так.

Грэмми знал. Если девушке что-нибудь втемяшится в голову, то с этим ничего не поделаешь. И говорить ей противоположное не имеет никакого смысла.

– Что-то случилось. Что?.. Вы выходили с ним вместе.

– Идем через запасной выход.

– Нет, я пойду к тому выходу, через который вышел он.

– Хорошо, идем.

На площадке перед клубом, кроме двух плечистых охранников никого не было. Неподалеку стояла машина полиции и скорой помощи.

– Где все дерущиеся? – спросил Грэмми знакомого охранника.

– Разбежались.

– Поехали, – сказал он Ночной Фиалке, которая все хотела найти своего друга и смотрела по сторонам.

– Ты же видишь, его здесь нет, – сказал он.

Виолетта достала из сумочки мобильный телефон и принялась звонить. Она набирала один номер, другой.

– Странно, ни Жора, ни папа не берут трубку. Папа всегда остается на связи. Даже, когда он очень занят, все равно берет трубку, если это я звоню. Если не берет, то сразу потом перезванивает.

Грэмми волновало больше другое. Откуда у клуба взялись братки, которые сразу полезли в драку за Жору. Кто он такой этот Жора? Держался независимо и как будто один. Что-то здесь было не так.

– Не знаю, что делать, – сказала она.

К ним подошел знакомый охранник и, отозвав Грэмми в сторону, сказал:

– Твоей подруге лучше куда-нибудь на время исчезнуть. Лучше вам исчезнуть обоим.

– А что случилось?

– Сэма убили... И его компаньона Дока.

Грэмми сразу все понял... Раздумывать не было времени.

– Поехали, – сказал он ей. Я тебя очень прошу. Здесь оставаться опасно.

Он взял ее за руку и повел к своей машине. Сказанное им подействовало на Виолетту отрезвляюще.

– Куда ты меня ведешь? – спросила она, не переставая сопротивляться.

– Мы потом все обсудим. Сейчас нам нужно поскорее отсюда убраться.

Грэмми подошел к своему кабриолету, открыл переднюю дверь машины, посадил Фиалку на сидение рядом с водительским и, усевшись за руль, рванул машину с такой скоростью, что раздался визг и запахло паленой резиной.

– Что он тебе сказал? – спросила она.

– Тебе угрожает опасность.

– Куда мы едем?

– Не знаю.

Грэмми вел машину. Виолетта нажимала кнопки на мобильном телефоне и пыталась кому-то звонить.

– Куда ты звонишь?

– Отцу... Он почему-то не берет трубку.

Грэмми выехал на набережную реки и надавил на газ. Неожиданно он понял, что спешить им некуда. Он подумал о том, как ему поступить. Надо было сказать Виолетте, что с отцом случилась беда. Не следует говорить, что его убили. Это может ее сильно ранить. Похоже, она очень любит отца. Если отца действительно убили, у него нет теперь перед ним обязательств, чтобы добиваться что-то от его дочки. Он может оставить ее и делать то, что хочет. Что ей сказать?.. Чтобы она выходила из машины и шла, куда хочет. В данный момент он не мог этого сделать, потому что у нее неприятности, к тому же, он расстроил ее отношения с этой Жорой. Хотя он не знал, куда бы привели эти странные отношения, и что впоследствии случилось бы с Виолеттой. Ему стало жалко ее. Он понял, что не сможет ее бросить.

– Отвези меня к отцу, – попросила Виолетта голосом, в котором он уловил слезы. – Я волнуюсь. Есть предчувствие, как будто с ним что-то случилось.

– Где он живет? – спросил Игорь.

– За городом.

– Говори адрес...

Виолетта сказала адрес, Грэмми ввел его в навигатор. На экране проявилась линия, пересекающая город с края на край. И приятный женский голос оператора сообщил: «Маршрут построен».

Грэмми повернул руль, развернулся и покатил в противоположную сторону.

– Быстрее, – попросила Виолетта.

Грэмми надавил на газ. Машина взревела и покатила быстрее. Замелькали фонарные столбы, рябь от реки раздражала боковое зрение. Он обгонял машины и несся по набережной реки.

– Еще быстрее можешь? – спросила Виолетта и поднесла белый платок к глазам. Она плакала.

Он надавил на газ, и сердце екнуло от скорости. Выброс адреналина заставил его колотиться со скоростью, с которой неслась машина.

– Еще быстрее, – всхлипнула Виолетта и кулачком с платочком ударила себя по коленке.

Грэмми не стал прибавлять газ, потому что приближался поворот.

– Что же ты? – со слезами спросила она. – Что же ты?.. Испугался?

– Нет. Так мы можем проскочить нужный нам поворот, – сказал он, притормозил и на скорости повернул руль вправо. Их обоих бросило влево, и они с трудом вписались в поворот.

Грэмми поморщился, понимая, что нужно было больше сбросить скорость. Уже в повороте, он снова надавил на газ, и это спасло их от того, что они чуть не соскочили с траектории движения. В то же время их начинало сносить и могло опрокинуть. Но он сильнее надавил на педаль газа и мотор машины вытянул их на прямую. Он поворачивал то влево, то вправо, уходил на развязки и выехал за город. Через пятнадцать минут Виолетта пришла в себя и сказала:

– Я узнаю это место, за остановкой будет поворот налево. Нам туда.

– Грэмми надавил на газ и перед поворотом снова притормозил. На этот раз они вошли в поворот плавно. Ширина дороги позволяла им это сделать.

– В арку, – сказала Виолетта.

И они, нырнув в арку, понеслись по асфальтовой дороге, которая вела к загородным домам, потому что здесь деревья и кустарник подступали прямо к обочинам.

Машина проехала километр и уперлась в зеленые высокие ворота. Виолетта набрала на мобильном номер телефона открывания ворот и те поехали в сторону.

Они въехали в открытые ворота, миновали десяток домов и остановились у каменного дома, который стоял в отдалении ажурных ворот. За воротами на территории горел свет, освещавший аллеи, клумбы и палисадники.

– В окнах света нет, – сказала растерянно Виолетта.

Фары машины били светом в сторону дома. Оттуда вышел человек в костюме, белой рубашке и направился к воротам. Виолетта вышла из машины и направилась к ажурным воротам.

Грэмми ждал ее, сидя в машине.

По всей видимости, Виолетта знала охранника, потому что, поговорив с ним, через некоторое время она удрученная вернулась к машине.

– Его нет дома. Охранники тоже не знают, где он и что с ним. Он сказал, что папа, возможно, от кого-то прячется.

В это время зазвонил ее сотовый телефон. Она включилась в линию, и в глубокой тишине Грэмми услышал голос, который он сразу узнал. Телефон Виолетты не был включен на громкую связь, но он прекрасно слышал, что говорил ее бойфренд.

– Алло! Алло, Виола. Я тебя повсюду ищу, – сказал Жора.

– Жора, я сама тебя искала. С тобой все в порядке?

– Я в порядке. Ты где?

– У папы.

– Он что, живой? То есть, я хотел спросить, он дома? Мне сказали, что у него большие неприятности. Его ищут.

– Я ничего не знаю. Дома его нет.

– Оставайся у него дома. Я сейчас к тебе подъеду.

– Я собираюсь уехать.

– Дождись меня, крошка.

– Я поеду к себе на квартиру.

– Хорошо, встретимся у тебя на квартире, – сказал Жора и отключился.

– Мне показалось, что Жора что-то знает об отце, – сказала Виолетта. – Поехали ко мне домой.

– Но он сказал, чтобы ты его здесь ждала.

– Он не знает, где дом моего отца. Он здесь ни разу не был. Поедем.

– Сейчас развернусь, – сказал Грэмми, оглядываясь по сторонам, чтобы развернуться.

– Не нужно, езжай по кругу, там выедем за ворота, – сказала Виолетта.

Грэмми завел машину и рванул прямо по дороге, желая быстрее по кругу обогнуть строения и выехать из загородного поселка. Когда он доехал до поворота, сзади от въездных ворот показалось несколько машин. Судя по фарам, их было три. Свет фар сильно бил светом и, словно догонял его машину. Три машины, едва заехали на территорию загородного поселка выключили фары и с тусклыми бортовыми огнями медленно поехали вдоль домов. Они словно крались по дороге между домами.

Грэмми остановился за поворотом так, чтобы его не было видно, и выключил мотор. Они слышали, как машины проехали короткое расстояние и остановились около дома отца Виолетты.

– Почему ты остановился? – спросила тихо Виолетта.

Выключив бортовые огни, Грэмми завел мотор, сдал назад свой красный кабриолет, остановился и снова выключил мотор.

Из машин вышли люди, послышались их голоса. Судя по голосам, они подошли к воротам. За воротами от дома к машинам придвинулись люди. Они стали говорить сначала сдержанно, потом оживленно.

– По-моему там Жора, – сказала Виолетта. – Я узнала его голос.

– Я тоже узнал его голос, – сказал Грэмми. – Ты говорила, что он не знает, где дом твоего отца.

– Я ничего не понимаю... Что ему здесь нужно? – спросила она.

И словно в ответ на ее слова послышались выстрелы.

– Что они делают? – вскрикнула Виолетта. – Их нужно остановить.

Грэмми завел мотор и рванул с места машину, не включая бортовые огни и не зажигая фары.

– Куда ты? – спросила испуганно Виолетта.

Грэмми ничего не говорил. Он ехал по кругу, стараясь в темноте не задеть фонарные столбы и стоявшие на обочинах машины.

– Что там произошло?

– Ничего хорошего. Открывай ворота.

Виолетта набрала номер телефона, по которому отрывались ворота. Они открылись, и красный кабриолет с разгона проехал их.

– А если они нас заметили?

– Может и заметили. Мне интересно, что им сказал охранник перед стрельбой? Они наверняка спросили, где ты и на какой машине уехала.

– Зачем я им?

– Мне самому это интересно.

Они снова нырнули под арку, проехали эстакаду и выехали на шоссе.

Когда они поворачивали, Грэмми увидел свет фар от нескольких машин, бивший из леса в сторону арки и дальше на шоссе.

– За нами гонятся, – сказала Виолетта.

– Возможно.

– Что мы будем делать?

– Попытаемся от них оторваться, – сказал Грэмми и нажал на педаль газа.

Машина полетела по темному шоссе, словно ласточка. Цепочки огней, развешанных по фонарным столбам то, витиевато переплетались, то уходили вниз и расстилались гирляндами. Иногда ему казалось, что машина взлетает. Еще немного, и они полетят между столбов, поднимаясь выше и выше и полетят над ними так, словно эти фонарные столбы являлись взлетной полосой, чтобы они по ней взлетели и поднялись еще выше.

– Это они!.. – сказала Виолетта. – Они нас догоняют.

Доехав до первого перекрестка, Грэмми свернул вправо и остановился за остановкой, прячась от погони. Три машины, сверкая фарами, промчались дальше по шоссе.

– Куда они?

– Не знаю. Нам нужно заправиться.

Грэмми проехал прямо и остановился на сияющей огнями бензозаправочной станции.

– Там, кажется, есть кафе. Пойдем, перекусим и выпьем кофе.

Виолетта, молча, кивнула и вышла из кабриолета следом.

– До полного... Девяносто шестой, – сказал Грэмми работнику бензозаправочной станции, поставив машину под заправку.

– Третья колонка, – сказал тот.

В кафе они сели за столик и закали кофе и бутерброды с сыром и сосисками. Когда машина заправилась, кассирша крикнула:

– Третья колонка...

Грэмми допил кофе, встал, подошел к кассе и карточкой расплатился за бензин. Расплатившись за бензин, он вернулся к столику и подождал, когда она допьет кофе. Она поднялась и пошла за ним к выходу.

– Куда едем? – спросил Грэмми в машине.

– Ко мне домой, – сказала она.

– Это не опасно?

Виолетта пожала плечами.

– У меня сложилось впечатление, что твой Жора хочет тебя видеть, но отнюдь не потому что он соскучился.

Виолетта промолчала. Грэмми завел машину и посмотрел на Виолетту.

– Где ты живешь?

Виолетта назвала адрес. Грэмми ввел адрес в навигатор, нажал на кнопку. Над ними крылом, расправляясь, поднялась крыша и в готовом виде начала опускаться.

– Можно не опускать крышу? Мне так нравится ехать на кабриолете по вечернему городу.

– Нам незачем сейчас светиться, – сказал Грэмми.

– Я тебя прошу.

Грэмми снова нажал кнопку, урал крышу и покатил на квартиру Виолетты.

Когда они подъезжали, то около дома девушки Грэмми увидел три знакомые массивные машины, проехал мимо них, мимо ее дома и покатил дальше.

– Ты куда? – спросила она.

– Они уже здесь. Ждут тебя. Эти ребята устроили стрельбу около дома твоего отца.

Тут же зазвонил телефон у Виолетты. Она нажала на телефоне значок в виде зеленой трубки и поднесла телефон к уху.

– Ты где Виола? – сказал Жора. – Я тебя жду у дома.

– Я подъезжаю.

– Вижу. Ты в красном кабриолете?

– Нет, – неуверенно ответила она, понимая, что выдала себя.

Грэмми посмотрел вдоль улицы и подумал, как назло ни одной машины.

– Иди к нам, крошка, позвал Жора. – Куда ты собралась ехать?

– Выключи телефон, – сказал Грэмми и рванул по улицам.

Три массивные машины помчались за ними.

– Хорошо, что мы заправились, – сказал Грэмми, глядя на индикатор топлива.

– Они нас догоняют, – сказала она. – Поворачивай направо, там узкая улочка. Мы проскочим... Быстрее, сейчас выскочим на широкую улицу. Еще направо... Теперь разворачивайся, поворачивай налево. Обгоняем газель, молодец... Они выезжают наперерез, через сплошные...

– Вижу...

Грэмми тоже свернул через сплошные им навстречу, влево, разворачиваясь, выехал на дорогу, по которой все двигались в противоположном направлении, и рванул вперед, но теперь он повернул не влево на разворот, а свернул вправо, дал газ и выскочил на мост через реку. Казалось, они оторвались от погони. Но через некоторое время он увидел, что три машины четким строем на большой скорости надвигаются на него... Ему нужно было искать спасения на маленьких узких улочках и в переулках.

– Нас опять догоняют, – сказала Виолетта.

Грэмми удирал по улицам, словно заяц от гончих. Петлял, делал резкие повороты, прятался за домами. Но преследователи находили его. Два часа пропетляв по городу, им удалось оторваться от преследования. Спина у Грэмми вспотела, лоб покрылся испариной, ладони увлажнились.

– Нам нужно отдохнуть. Принять душ и выспаться. Предлагаю поехать ко мне.

– Это неудобно. Я к незнакомым людям домой не езжу.

– Я тоже, но сейчас особый случай. Мы устали и уже поздно. Обещаю вести себя галантно.

– Ладно, поехали.

Грэмми завел машину, выехал из подворотни, где они прятались, и покатил к себе домой. Город спал и тонул в ночных огнях. Светились витрины и рекламные щиты. Создавалось впечатление, что они одни в этом городе не спят, и он принадлежит им.

Грэмми подъехал к своему двенадцатиэтажному дому и в этот момент заметил пожар. Горел его дом. Не весь дом, а только одна квартира. Он посмотрел на огонь, посчитал этажи, и не поверил своим глазам, потому что горела именно его квартира, которая окнами выходила на дорогу.

– Черт! – вырвалось у него. Черт, черт, – повторил он и стукнул руками по рулю

– Что такое?

– Они подожгли мою квартиру. У меня там все, документы, костюмы, деньги. Все...

– Не расстраивайся, – с сочувствием сказала Виолетта.

– Я еще не расплатился с банком за квартиру. Мне оставалось платить полгода.

– Пойдем, может быть, мы успеем что-то спасти.

– Не исключено, что нас здесь тоже ждут, – сказал Грэмми.

– И что мы будем делать?

– Не знаю, – сказал он и подумал: «Зачем я в это ввязался? Вот уж воистину, не искушай судьбу – она сама тебя искушает».

Из окна квартиры вырывались языки пламени. Горела мебель, костюмы и радиоаппаратура. Волосы на голове у Грэмми шевелились. Языки пламени уменьшились, из окна повалил черный дым.

Подъехали машины пожарников. У сбежавшихся зевак пожарники спрашивали, есть ли кто в горящей квартире.

Игорь понимал, что-то сгорело главное. И не квартира, а прошла жизнь.

– Это я во всем виновата, – сказала Виолетта огорченно.

– Причем тут ты? – спросил Грэмми, понимая, что отчасти она права. – Поехали отсюда.

Он завел мотор, надавил на газ и покатил с пожарища.

– Куда мы едем? – спросила она.

– В гостиницу. Здесь недалеко на набережной есть приличная гостиница.

Они двигались с начала по улицам города, потом выехали к реке, переехали через мост, нырнули под него и покатали по набережной, но уже, с другой стороны. Через несколько минут они подъехали к высотке. Грэмми подъехал к стоянке машин, которая располагалась напротив гостиницы. Виолетта не знала, что здесь есть подземная парковка.

– Мы в гостиницу, – сказал Грэмми знакомому охраннику, стоявшему у въезда на гостиничную парковку.

Они оставили машину на парковке и поспешили в гостиницу. Поднялись по ступенькам, Грэмми открыл массивную дверь, пропустил Виолетту вперед, и они оказались в холле с коврами, мраморными колоннами, блестящей, полированной мебелью и позолотой. Грэмми взял Виолетту за руку и подвел к стойке администратора.

– Привет, – сказал он администратору, очень симпатичной девушке за стойкой. – Нам один двухместный номер.

– Два одноместных, – поправила его Виолетта.

Администраторша сделала большие глаза и посмотрела с удивлением на Грэмми. Он кивнул.

– Игорь, но у нас нет ни одного номера, – сказала она.

– Люда один номер.

– Все занято.

– Не может быть.

– Я тебе точно говорю. У нас номера бронируют за месяц.

– Любочка, нам можно какой-нибудь попроще.

– Ты же знаешь, у нас таких нет, – с апломбом сказала администраторша. – Все номера «Люкс», апартаменты и так далее. Спроси в «Якоре», – повела она пальчиком в сторону другой гостиницы на набережной. – У них что-то может быть.

– Спасибо, ты, как всегда очаровательна.

– Ты завтра в клубе поешь?

– Должен петь. Приходите, – сказал Грэмми.

Администраторша оценивающе посмотрела на Виолетту, ее платье, кольцо, как это умеют практичные девушки, слегка поморщилась, увидев шрамы на лице, и отвела взгляд, оставаясь недовольной.

Грэмми попрощался с ней, взял за руку Виолетту, чтобы показать свое отношение к ней администраторше. Это выглядела как явная интрига. И он представил, как та смотрит им вслед и думает: «Зачем она ему такая».

За время пока он катался с Виолеттой он привык к ней, ее внешности и шрамы его не трогали. С одной стороны, она была очень симпатичной девушкой, с другой стороны, лицо у нее казалось так испорчено, что вызывало отторжение. Виолетта шла с ним всегда с правой стороны, так чтобы он не видел изуродованной части ее лица. И в машине она сидела справа. Он приходил в гостиницы и рестораны с разными девушками. Но с такой, которая носила на лице шрамы никогда.

– Здесь недалеко, – сказал он и показал вправо. – Тоже на набережной.

Темнота скрывает шрамы

Они шли вдоль набережной.

– Красиво, – сказала она и кивнула на воду всю в томных огнях полуночи.

– Сейчас посмотришь, как это выглядит сверху. Гостиница находится на десятом этаже, а еще выше бар «Мерси». Шикарное место.

В этот момент Виолетта заметила, что он держит ее за руку, и она впервые не отнимает у него руки. В гостинице ее взяли за руку, потому что так было нужно, чтобы та девушка-администратор подумала, что они вместе. Если бы она так подумала, то и вопросов к ним не возникло. Почему он с ней возится, почему водит с собой и хочет помочь. Это чисто человеческое качество или что-то еще. Наверное, он хороший человек. И она о нем плохо думала, когда он со сцены спускался весь облепленный девушками с выражением лица обласканного порочного мальчика.

Ночь искажает пространство, поэтому она любит ночь больше чем день. Она дитя ночи. Днем виден ее недостаток, а ночью все иначе. Тени скрадывают предметы и плохое могут сделать хорошим, а хорошее плохим. Человек хочет сделать тебе услугу, оказывает внимание, а

тебе кажется, что он от тебя чего-то хочет. Ночью особенно в клубах кажется, что ты всех знаешь и тебя все знают. Общаться проще. И помогает алкоголь, как деформатор отношений. Ей показалось, что она сейчас хочет алкоголя, чтобы обострить те чувства, которые она испытывала ко всему вокруг. Камень, вода и вот этот гранитный парапет, через который можно упасть. Да, через него в любое время можно упасть и совсем пропасть в бездне воды без следа или приблизившись в последний момент очнуться от его завораживающего гипнотизма и отпрянуть. Задуматься в ночи, на границе дня и ночи о жизни и понять, как она интересна и важна, что чего-то еще не сделано, не испробовано. Ее жизнь была именно такой. Она как будто шла по границе чего-то, по краешку хребта или пропасти и ее манило то в одну сторону, то в другую, а она шла по неровной линии своей жизни.

– Нам сюда, – сказал Грэмми, когда она подошли к современному зданию новой высотки. Они подняли по ступенькам. Он открыл стеклянную дверь, и они вошли.

– Здравствуйте, – сказал Грэмми. – Катерина сегодня не работает?

– Нет, сегодня моя смена.

– Нам нужен номер.

– Пришли бы на полчаса раньше или позвонили.

– Вас, кажется, Наталья зовут?

Девушка кивнула.

– Помогите нам как-нибудь.

– Не знаю, чем вам помочь. Свободных номеров нет.

– Нам на одну ночь. Мы утром уедем.

– Я понимаю, – сказала администратор, глядя в экран компьютера, который подсвечивал ее лицо голубоватым светом.

– Есть один номер. Забронирован за итальянцем Фредериком Конти. Сегодня бронь заканчивается в двенадцать часов. Но вам придется подождать. Он может опаздывать. Зайдите в час или в два ночи.

– Нас это устраивает. У вас на двадцатом этаже есть бар «Мерси», который работает до трех ночи.

– Да, пройдите на лифт, – показала рукой администратор, предлагай им отправиться в бар.

Они на лифте поднялись на двадцатый этаж.

Там стоял распорядитель и он спросил:

– Что вы желаете?

– Столик с видом на Москву.

Он кивнул и повел их по лестнице вверх. Там было несколько лестниц, которые вели на антресоли. Распорядитель показал им на отдельный столик около панорамного окна.

– Это то, что нам нужно, – сказал Грэмми и поблагодарил распорядителя кивком головы. – Здесь лучшие десерты по всей Москве. Разнообразный выбор. Мне больше нравятся десерты со свежими ягодами.

Грэмми отодвинул стул и предложил Виолетте сесть.

За это она ему была очень благодарна и просияла. На лице ее появилась едва заметная улыбка. Но и этого оказалось достаточным, чтобы воодушевить Грэмми.

– Для начала предлагаю салат, орешки и пиво.

Виолетта кивнула. Ей очень понравился вид на Москву. Полдвенадцатого и все же Москва жила. По мосту Москвы-реки шло довольно оживленное движение. Гирлянды огней поясом охватывали мост. Россыпь огней сверкала и уводила взгляд куда-то к горизонту. Машинки бежали по мосту словно игрушечные, с батарейками или заводные. В них не было ничего настоящего. Они двигались, словно муравьи по проторенному маршруту в противопо-

ложных направлениях по узкой дорожке моста. Картина завораживала. На нее можно было смотреть бесконечно и думать о жизни.

– Нравится? – спросил он.

Она кивнула.

Подошел официант. Грэмми сделал заказ. Хорошо вышколенный официант кивнул и отошел. Он даже ничего не стал записывать. Они сидели на диванчике и смотрели на играющий огнями город. Огни жили своей жизнью. Они мигали и меняли яркость. Виолетта не сразу поняла, что это дымок от каких-то труб города или от низких разрозненных туч. Официант принес заказ, две бутылочки пива и орешки. Он открыл пиво и налил им напиток в фужеры. Грэмми поднял бокал и предложил чокнуться.

– За чудный вечер, – сказал он.

Пусть так, – сказала она, испытывая сомнение, что вечер чудный.

Они принялись пить пиво и есть соленые фисташки.

– К салатам я предлагаю взять вина или коньяк. Хотя водка здесь самая лучшая.

– Она посмотрела на него заинтересованно и сказала. – Если водка здесь такая же как этот вид из окна, я бы предпочла водки.

– Это интересно, – сказал он.

– Водки и салаты, как договорились, – попросил официанта Грэмми.

Они сидели и смотрели друг на друга, как будто раньше друг друга не видели.

Виолетте не очень хотелось водки. Она стеснялась пить с новым человеком. – Если бы Жора ей предложил, она бы сейчас не отказалась. Он никогда не распускал руки. Но она уже согласилась, и делать было нечего. Ей хотелось понять, что значит хорошая водка по словам Грэмми.

Официант принес на подносе водку в стопочках. Рядом с каждой стопочкой лежала веточка свежей мяты.

– Надо выпить, взять веточку мяты, понюхать и скушать ее, – пояснил Грэмми.

Виолетта взяла стопочка в правую руку, в левую взяла веточку. Одним глотком выпила водку, понюхала мяту и съела веточку.

Официант посмотрел на нее заинтригованно, с восхищением и ушел. Грэмми посмотрел, как она это сделала и подумал: «Кого она хотела больше удивить, меня или официанта?»

– По-моему он был тронут тем, как лихо ты выпила водку, – сказал Грэмми. – И тоже одним глотком выпил свою стопку. – Я не люблю, когда водку цедают сквозь зубы. А вы... То есть, ты... В общем, ты выпила свою стопку элегантно, лихо и показательно. Если не сказать с неким вызовом.

– Меня папа научил так пить водку. Он хотел мальчика, но у него родилась девочка. Он меня воспитывал, как мальчишку. Я даже в школе заступалась за своего мальчика. Но у него не получилось сделать меня мальчиком. Как-то мы сидели за столом, и он рассказывал, как нужно пить водку. И показал, как одним махом, опрокидывая стопку. А потом я его этим развлекала. Хотя из крепких напитков я предпочитаю ликеры. Их можно вообще не закусывать, муссировать во рту и по ощущениям приобретать летучесть.

– Ты не сказала, понравилась тебе водка?

– Водка хорошая, пьется легко, как вода.

– Как ты относишься к коньяку? Его можно закусывать шоколадом или фруктами.

– Да, в нем есть определенный лоск. Но это тоже мужской напиток. Я люблю сухое вино или крепленое.

– Не знал, что в вашем лице я найду знатока напитков.

– Можете не сомневаться, что это не так. Я не знаток, а ценитель. Многие коктейли перепробованы и прошлые Кровавые Мери, и Отвертка и новые, которые рассчитаны на любителей путешествовать с такими ингредиентами, как виски, ром и тому подобное. Раньше нрави-

лись разноцветные, трехслойные, четырехслойные, пяти и шестислойные коктейли. Там свое искусство, чтобы слои не перемешались.

– Тогда еще водки? Хочу посмотреть, как ты опрокидываешь стопку. Мне понравилось.

В этом есть какой-то шарм и характер.

– Я не буду. Хочу насладиться тем состоянием, которое испытываю.

– Ну а я себе закажу... – сказал Грэмми и увидел, как недовольно поморщилась Виолетта. – Пожалуй, с тобой не напьешься, – добавил он.

– Это точно, – улыбнулась Виолетта.

– Пожалуй, я не буду водку.

Игорь поймал себя на том, что неосознанно говорил с ней то на «вы», то на «ты». Ему показалось, что эта девушка начинает им управлять, и он с удовольствием ей отдает пальму первенства. Он еще не понял, зачем это делает. Может быть, для того, чтобы выбрать момент, эффектно вырваться вперед и оставить ее далеко позади, как это он делал много раз.

Игорь поманил рукой официанта и попросил десерт. Он выбрал кофе, она зеленый чай. Он выбрал суфле с вишенкой, а она с клубникой.

– Десерт здесь действительно отменный, – сказала она, – едва попробовав принесенное блюдо.

– Я же говорил.

Они болтали ни о чем и не заметили, как прошло время. Виолетта почувствовала, что вполне насладилась, десертом и полетным состоянием ожидания, прикасающегося к ней счастья. Грэмми чувствовал, что ему нравится болтовня с ней. Виолетта оказалась умной, эрудированной девушкой. Когда он посмотрел на часы, то удивился тому, сколько было времени.

– Однако, третий час, сообщил он. – Хорошо бы узнать, как там наш итальянец прилетел или нет. – Хорошо, чтобы у него рейс отложили.

– Я заплачу, – сказала она и открыла сумочку.

– Давай не будем соревноваться, у кого денег в кармане больше, – усмехнулся он.

– У меня карточка.

– Фотокарточка? Красивая? – шутя, спросил он.

– Нет, электронная, – показала она карточку.

Он принял счет от официанта и расплатился наличными.

Они поднялись и на лифте поехали на первый этаж к администратору. На месте ее не оказалось, но как только они появились у стойки, она появилась из помещения, расположенного сзади стойки.

– Это снова мы, – сказал Грэмми. – Итальянец не завещал нам номер на сегодняшнюю ночь?

– Звонка не было. Могу разместить вас на одну ночь. Давайте паспорта.

Грэмми достал паспорт и посмотрел на Виолетту. Она раскрыла сумочку и искала документ. Нашла паспорт и положила его на стойку. Администратор взяла паспорта, сняла с них копии и попросила заполнить анкеты. Вернула паспорта, посмотрела анкеты и дала им электронный ключ от семьсот двадцать шестого номера.

– Седьмой этаж, – сказала она и назвала сумму.

– Спасибо, – улыбнулся ей Грэмми, расплатился, забрал ключ, и под руку с Виолеттой направился к лифту.

– Почему так торжественно? – спросила Виолетта, не отнимая свою руку.

– Для самоощущения, – сказал он, понимая, что ему сейчас было важно, чтобы она не освободила свою руку из его ладони. Не осознавая того, он ее приручал к себе. Так поступают со зверями, животными и детьми, когда хотят получить их расположение. Этим он как бы говорил, видишь, я не причиняю тебе ничего плохого.

Они приехали на седьмой этаж. Грэмми открыл ключом дверь и пропустил Виолетту в номер.

– Спасибо, – отвечая на его вежливый жест, сказала она. – Мне нужно срочно принять душ.

– Я бы еще чего-нибудь выпил, – сказал он, закрывая дверь. – Интересно, что тут у нас есть, – произнес он, заглядывая с предвкушением в бар. Интуиция его не подвела и на этот раз. – О!.. У нас есть все, чтобы провести хороший вечер. Пиво, орешки, чипсы, вино, коньяк, шоколад. И еще... Яблоки, мандарины, есть даже замороженная клубника.

Похоже, она его не слушала, потому что оставила в кресле сумку и пошла в ванную. Не дойдя до двери, вернулась и взяла сумку в руки.

«Не доверяет», – подумал он.

– У меня там косметичка и все, что нужно, – сказала она и ушла в ванную.

«Она чуткая и понимающая. По выражению лица поняла, что мне неприятно, что она забирает сумку, выказывая недоверие, и поэтому сказала о косметичке», – подумал он.

Не теряя времени, он принялся сервировать стол. Яблоки и мандарины положил в вазу. Клубнику распаковал, удаляя целлофан, и поставил рядом в пластмассовой форме. Поставил на стол бутылку вина, шоколад.

Из ванной слышался плеск воды. Он заглянул в шкаф. Там висели два белоснежных пушистых халата. Он взял один, подержал его рукой рядом с собой. Халат был отглажен, и висел на вешалке с завязанным поясом так, как будто в нем уже кто-то находился, какое-то невидимое существо. Он снял его с вешалки, повесил вешалку обратно в шкаф и снова посмотрел на халат, который держал за ворот, на себя в зеркало, улыбнулся и, оставшись довольным, подошел к двери в ванную комнату. Постучался и прислушался. Плеск воды уменьшился и послышался встревоженный голос Виолетты:

– Что-то случилось?

– Это мы, – сказал он.

– Кто мы?

– Я и еще одно белое, пушистое и очаровательное существо.

– У нас гости?

– Нет. Это предмет, который выглядит очень импозантно и хочет тебя обнять искренно и страстно. Кроме того, он жаждет, чтобы ты в него внедрилась... Я бы даже сказал, облачилась. – Он сделал паузу и добавил. – Здесь изумительные белые махровые халаты.

– Он мне будет сейчас кстати... – сказала она, открыла дверь и высунула из двери руку. Кроме того, она кистью сделала хватательные движения.

Он прикоснулся к внешней стороне руки нежным халатом. Рука развернулась, взяла халат и исчезла с ним в ванной.

– А где спасибо? – спросил он. – Я здесь, понимаешь ли, не сплю, ищу разные способы, чтобы угодить даме. А она мной пользуется, как баннным мылом.

– Спасибо, – послышался короткий ответ.

– Это другое дело.

Когда она вышла из душа, он сидел в кресле у сервированного столика, весь погруженный в белоснежный махровый халат. Удивление на ее лице заставило его дать пояснения.

– Получается, что я первый предложил между нами халатные отношения, то есть не официальные, а располагающие к неформальному общению. И сам же им не соответствовал. Поэтому я снял костюм и облачился подходящим образом. Перед этим, я, кстати, сервировал стол для приятного время препровождения.

– Вижу.

– Будьте любезны, садитесь. – Он приподнялся, взялся за спину поставленного для нее кресла и галантно показал рукой на сидение. – Садитесь поудобнее.

Она села. И он сел.

– Приступим к трапезе и да возрадуемся напиткам. Предлагаю коньяк.

– Я бы предпочла вино.

– Это будет следующий шаг.

– Кто-то хочет меня споить?

– Ни в коем случае. Просто мы готовимся к душевному общению.

– И зачем это кое-кому надо?

– Раз уж мы попали в одну лодку, то мне хотелось бы узнать человека, которого подобрал в реке времени, можно сказать, спас из водоворота событий, и плыву по течению воли судьбы.

– Ладно, коньяк, так коньяк. Только на самом доньшке.

Он разлил коньяк по фужерам так, чтобы темно-янтарная жидкость могла, волнуясь, плескаться по стенкам, когда берешь в руки стекло.

– Я налил как раз, чтобы фужер не казался пустым и имел перспективу быть наполненным. Предлагаю выпить за нашу встречу.

– Не возражаю.

– На брудершафт? – шутя, добавил он.

– Преждевременно, – улыбнулась она.

Они выпили. Она сделала это по-другому, поплескав благородную жидкость по краям, вдыхая ее запах, глотком поместила коньяк в полость рта и, муссируя медленно крохотными глоточками свеживая через глотку в пищевод и провозжая на самое доньшко себя самой.

– Bravo, – сказал он. – И коньяк ты тоже пьешь, как истинный ценитель, – и протянул ей развернутую шоколадку.

– Спасибо, – взяла она шоколад. – Это все папа.

– Ты, наверное, любишь отца?

– Очень, он многое для меня сделал. Когда мы остались вдвоем, он окружил меня такой заботой, что я не нуждалась ни в чем.

– А что случилось с мамой? – спросил Игорь, зная, как разговорить человека и забраться к нему в душу, открывая все запертые двери. Кроме того, ночь всегда к этому располагала, как и приятная обстановка, которую он создавал.

Она замолчала. Он не торопил ее. Ножом порезал красное яблоко и протянул ей дольку. Она понимала его. И оценила этот его шаг. Прежде, чем что-то взять, нужно что-то дать. И он делал именно это. К тому же яблоко он предложил ненавязчиво, а так словно расширял ее выбор, вел по кулуарам с расставленной по углам закуски. Не получив ответного движения, он положил яблоко на стол, открыл и протянул ей, чтобы она выбрала клубнику. И она это сделала, взяв самую крупную ягоду, которая всем своим видом просилась, чтобы ее отведали.

– Я попробую угадать, – сказал он. – С ней случилась какая-то беда.

Она как бы вся вздрогнула и зрачки, казалось, сузились, потому что воспоминания мгновенно перенесли ее в то время, когда произошло страшное событие для их семьи. Ему показалось, что слезы заблестели у нее в глазах.

– Мне было четырнадцать лет... – Она замолчала, голос ее дрогнул. – Я бы предпочла еще выпить вина...

Он понял ее состояние, открыл бутылку вина и придвину к фужеру.

– Я бы сполоснул фужер водой для полноты наслаждением следующим напитком, – предложил он.

– Не нужно, – попросила она.

Он налил ей в фужер вина. Себе он налил коньяк. Они подняли фужеры, посмотрели друг другу в глаза, чокнулись и выпили. Он первый сделал движение фужера к ее фужеру, выпил, закусил коньяк долькой яблока. Она снова взяла клубнику, как будто хотела заглушить ей нагрывающиеся воспоминания и смягчить приступившие слезы, которые никуда не ушли и

могли, разрушая плотину самообладания, потечь потоками. Она испытывала прежние обиды жизни и свои переживания. Она никак не могла начать рассказ. Ей все время что-то мешало. Слезы стояли так близко, что могли потечь. И если бы это произошло, она не смогла бы их остановить. И она бы никогда не стала этого делать, не стала рассказывать тот кошмар, который пережила и который ее преследовал столько времени. Но сейчас, именно сейчас, ей хотелось все рассказать человеку, который сидел перед ней. Прежде она предчувствовала, что ее хотят расспросить, залезть в душу и уходила от разговора или вообще уходила, закрываясь в себе. Теперь она сама захотела все рассказать. Может быть из-за того, что его вопрос прозвучал неожиданно. Она не заметила, что он готовит именно этот вопрос специально для нее. Все произошло слишком естественно.

Он ждал, когда она начнет и не собирался ее торопить. Кое-что он узнал от ее отца, самого Дока, но ему хотелось все узнать в деталях и от нее. Нельзя сказать, что ему этого сильно хотелось. «Почему бы и нет? Если уж мы остались одни», – подумалось в какой-то момент ему. Он ловил себя на том, что когда видит ее шрамы, то по-прежнему испытывает дискомфорт. словно что-то вздрагивает у него внутри. Он был из тех артистически склонных людей, которые хотели поставить себя на место другого человека. Когда-то юношей он ехал из школы на автобусе. Перед ним стоял мужчина, который все время что-то копошился, опустив голову, как будто что-то искал или не мог протиснуть свою сумку вперед, что его раздражало. И тогда он нагнул голову и увидел между тел, как тот мужчина открыл свой портфель и из открытой сумочки стоящей рядом женщины, перекладывает ее кошелек к себе. Это его так поразило, что он так и остался стоять остолбенелым. В какой-то момент ему показалось, что это он полез в сумку к женщине. И стыд, который он испытал за вора, заставил его замереть в оцепенении, пока сзади его не подтолкнули к выходу. И дальше в жизни ему часто приходилось примеривать на себя чужие судьбы, словно своей жизни ему было мало, чтобы напитать себя новыми впечатлениями и эмоциями. Вот и сейчас ему захотелось мысленно раздеть эту девушку, выписывая ее полный портрет, чтобы понять, разобраться в той драме, в которой он волею судьбы оказался.

– Когда мне было четырнадцать лет, мы с родителями субботним днем ехали в загородный дом. Папа вел машину, мама сидела на переднем сидении рядом. Я с собакой расположилась на заднем сидении. Это произошло на выезде из Москвы. Другая машина выскочила на встречную полосу и, уходя от лобового столкновения с нами, стала переезжать нам дорогу. Наша машина ударились в ее заднюю часть. Я плохо все помню. Перед нами мелькнуло что-то черное, как потом оказалось, это был груженный грузовик. От удара нашу машину отбросило в сторону, развернуло, и в нас врезалась еще одна машина. Ее бампер въехал в наш салон через заднюю дверь. Машина, которая в нас врезалась, загорелась и от нее загорелся наш салон. Я ничего не помню. Это потом мне папа рассказывал. Мама погибла сразу от удара в правую часть автомобиля. Ее так и не смогли достать. Она тоже сильно обгорела. Папа с сотрясением мозга увидел, что мать не спасти, вышел из машины и попытался открыть мою дверь. Машину перекосило, и та не открывалась. Помню языки пламени, которые начали лизать меня и мое лицо. Один язык сильно лизнул мне правую щеку. Собака бросилась мне на грудь. Если бы не она, я бы обгорела сильнее. Я видела, как на ней горела шерсть. В больнице мне не говорили, что мама и собака погибли. Приходил папа и говорил, что все хорошо и маму с Грогом скоро выпишут из больницы. Мне не разрешали вставать и смотреть в зеркало. В палате, где я лежала, на стене раньше висело зеркало. Но я видела лишь квадрат от него с невыгоревшей от солнца краской. Когда меня выписали из больницы, началась другая жизнь.

Она замолчала. Он снова налил ей в фужер вина и себе коньяк. Они выпили, не чокаясь, а переживая всю драму случившегося. Он придвинул ей снова клубнику, а сам закусил коньяк кусочком яблока.

– Почему другая жизнь? – спросил он.

– Потому что я узнала, что мамы нет. И собаки тоже нет. И тех друзей, которые у меня были, тоже нет.

Она замолчала. Он не торопил ее. Но получалось так, что после каждой беды и трудных воспоминаний им нужно было выпить, чтобы еще раз вместе случившееся пережить. Он снова налил ей вина, а себе коньяк.

– Мы жили в престижном доме, учились в престижной школе, дружили с людьми из особого круга. Их жизни выглядели степенными и налаженными. Со мной дружил мальчик, который объяснился мне в любви. Мы ходили с ним за ручку. Все это прекратилось. Я стала уродиной. Меня не узнавали и чуждались. Мальчик из хорошей благополучной семьи меня сторонился. Скоро мы уехали из той квартиры, я перешла в другую школу. После школы я поступила в престижный ВУЗ. И встретила там мальчика, который со мной дружил. Теперь он ходил за руку с другой девочкой.

Они снова выпили вина.

– Как выяснилось, с такой внешностью, как у меня, на хорошую работу не устроишься, хотя я знаю три языка, у меня экономическое образование. Консультант, это максимум на что я могла рассчитывать. И то, если похлопочет папа. С бизнесом тоже не получилось. Потому что тот бизнес, который меня интересовал, требовал не только хорошо разработанных бизнес-планов, но и поиск партнеров, переговоров. Но здесь работало одно правило: «Твое лицо – это лицо твоего бизнеса».

– С работой не получилось?

– Нет, почему? Мы втроем с однокурсниками Антоном и Андреем организовали инвестиционный фонд. Папа дал денег. И мы неплохо работали несколько лет. Это был мой фонд. Я отбирала бизнес-проекты, ребята вели переговоры. Все неплохо шло, пока не пришел один ферзь. Что значит все-таки лицо... Пришел такой холеный, успешный, солидный, образованный красавец. Наговорил нам много чего хорошего, каждый день в офис цветы, конфеты приносил. Обаял... Подумала, вот он мой мужчина... Ходили в ресторан, вели беседы... Попросил посодействовать, дать денег на проект. Проект – то с размахом, а попросил немного. Сомнения закрались, но чутье подвело. И ищи-свищи, в Штаты уехал. Словно подножку поставил. Я ведь ему поверила, а он свой интерес искал. Я потеряла веру в себя, расстроилась, и ребятам сказала, что временно ухожу из проекта. Искала себя. Ночь полюбила больше, чем день. В темноте люди прощают внешние недостатки. В темноте не видны морщины и шрамы. Отчаяние такое охватило, что не знала, куда себя девать. Хотелось раздарить себя всем мужчинам. Стать для них наградой, хлебом, который крошат для уличных голубей.

– Внешне ты выглядишь независимой и сильной девушкой. У тебя явно мужской практичный ум...

– Даже у сильных личностей бывают минуты слабости. Тогда мне хотелось казаться сильной от беззащитности. С внешней стороны у меня была броня, а внутри где-то в самых тайниках пряталась моя слабость. Там я прятала от других свою беззащитность. Никогда не хотела, чтобы меня жалели. Это тоже от папы.

– Я видел многих людей, которые, наоборот, теми или иными способами вызывали к себе жалость и пользовались этим. Признаться, я и сам так поступал. Иногда надо сделать шаг назад, чтобы продвинуться дальше.

– Я не из таких.

– И в это время, когда у тебя случился кризис и появился Жора?

– Да, в это время появился Жора. Большой, сильный, надежный, brutальный. Он ухаживал за мной, не отступал ни на шаг, находился рядом и заслонял, как гора. Он преследовал меня и не давал другим шанса.

– Ты именно такого человека ждала? Такого себе желала? – спроси он.

– Девушки все ждут принца. Я тоже ждала. Но сколько можно ждать? Хочется простого женского счастья, чтобы семья, дом, дети. Он полгода за мной ухаживал, сделал предложение. Мне никто не делал предложение и, я думала, никто уже и не сделает. Он сделал. Я это оценила. Мечтала о свадьбе, о путешествии, о новой жизни. Появился ты, и все полетело кувырком.

– У меня тоже. Мне кажется, что моя прежняя жизнь не вернется. Она улетела на воздушном шарике в коробочке, которая была привязана к шарикю красивой ленточкой. Теперь пойдет все по-другому.

– Почему ты так думаешь?

– Квартиры нет, с работой неизвестно. Позвонил на всякий случай Сэму. Он не берет трубку.

– Я тоже беспокоюсь. Папа не звонит и не отвечает на звонки. Они с Сэмом были друзьями.

– Я догадывался.

Они разговаривали, забыв о вине, коньяке, фруктах и конфетах. И она представлялась ему не той, с которой он встретился в клубе неприступная, уверенная в себе, энергичная и успешная. Она представлялась ему человеком, которого он давно знал. И вдруг ему представилось, что перед ним сидит не девушка с испорченным лицом и испорченной судьбой, а душа той девушки, которая что-то желала, куда-то стремилась и страдала.

– Он тебя не любил. Ты зачем-то ему была нужна, – сказал он.

– Теперь я тоже так думаю. Он предлагал мне выйти за него замуж, но не настаивал, не торопил. Папе он не понравился. Он мне ничего не сказал, когда я его с ним познакомила. Мы встретились как-то в клубе. Я представила папе Жору. Тогда я поняла его отношение к нему. Папа промолчал. Он знал, что если я что-то захочу, то меня трудно переубедить. У Жоры тоже в характере такое есть. Мы с ним могли бы многого добиться в жизни.

– Кем работал Жора?

– Не знаю. Думаю, он – решала... К нему все общались по конфликтным вопросам, и он всем помогал, разумеется, не безвозмездно.

– Там у клуба он меня поджидал с друзьями. Если бы не охранники, они меня отделали за милую душу.

– Он ко мне хорошо относился. Иногда он при мне мог выругаться. Но это сейчас даже модно. Некоторые ругаются с особым шиком. Жора не модничал, он просто выражался попутно с мыслями. Еще он вставлял словечки из тюремного сленга. Мне казалось, что это тоже для своей убедительности.

– Ты не куришь?

– Нет.

– И я тоже. Между вами что-то было?

– Почему тебе это интересно?

– Не знаю, так просто спросил. Нет, точнее, для составления полного портрета.

– У меня с ним ничего не было. Жора говорил, что нам нужно попробовать жить до брака...

– Я так и знал. Ты девственница?

– Да... Почему-то сейчас об этом не принято говорить. Девушки бравируют опытом. Даже тем, которого у них не было. Лишь бы показаться современной.

– И он никогда не попытался тебя добиться? – спросил он и словно в этот момент почувствовал ее тело под белым нежным халатом. Оно словно позвало его к себе.

– Я готова была для него все сделать.

– И вступить в добрачные отношения? Некоторые этого боятся. Я знал одного друга, который склонял вступить свою девушку в добрачные отношения. И она ему из-за страха поте-

рять девственность и его после связи под разными предложениями отказывала. Он ушел от нее к другой, которая ради него бросила мужа.

– Я не дорожила своей девственностью. Но и не хотела ей разбрасываться, хотя все время об этом говорила. С одной стороны, мне хотелось раздать себя и свое тело всем мужчинам, как хлеб насущный страждущим. Я так и сказала папе, когда он спросил меня, зачем я хожу по клубам. Он переживал за меня. Я это знала и не хотела ему причинить боль. С другой стороны, я подсознательно искала единственного. Я все равно искала своего единственного. Не знаю, почему мне кажется, что девственностью нужно дорожить. Это сидело во мне глубоко, в подсознании. И это от мамы, которая полюбила папу на всю жизнь. От институтских подруг и в доверительных разговорах в клубе я слышала, что после двадцати девственность – это смешно и бравировать ей не следует. Я не хотела быть смешной в глазах мужчин и случайных подруг.

– Одна моя знакомая, зрелая женщина, как мне тогда казалось, не сказала мне, что она девственница. Мы с ней провели замечательный вечер в танцевальном зале. Шли по аллеи южным вечером города Ялта недалеко от набережной. И нашли укромный уголок в виде завитой зеленым беседки. Я ей все заговаривал зубы, точнее говорил приятные слова, которые нас подвигали к полному единению. Она подавалась мне с мучениями, сомнениями и непонятно тяжело. И когда мы подошли собственно к естеству и оставались какие-то хотя и волнительные, но все же технические действия, то есть наступил кульминационный момент, я никак не мог понять, почему не происходит то, собственно ради чего мы приготовились. Она все-таки восхотела мне отдалиться с сомнениями и борениями. Я приготовился ей обладать, и тут вдруг случилось нечто непредвиденное. Я в сомнении и волнении попросил мне ее помочь в совершении этого. Она помогла, задав самое правильное направление. И только потом всему этому нашлось объяснение. Только потом я понял, что она в тот раз распрощалась с девственностью. Скажу тебе честно, мне не было смешно. Возможно, она сразу не призналась мне именно потому, что в ее возрасте сохранять девственность это все равно, что охранять склад, о котором забыли. Но я до сих пор ей благодарен. Это не важно, что я нашел-таки этот склад и вошел в него, когда охрана задремала. Может быть, смешным оказалось то, что мы разошлись и каждый из нас не понял того, что произошло. Именно поэтому нужно доверяться друг другу свои тайны предельно, чтобы была ясность в отношениях. Кстати, я тебе все время говорю ты. А ты мне говоришь «вы», или говорила. А теперь используешь неопределенную форму третьего лица типа: Кто-то сказал...» Или неопределенную форму: «Не знаю, что ответить». Так мы на «ты»?

– Хорошо, давай на «ты». Скажи, у тебя, когда случилось первый раз с девушкой?

– По-моему, это случилось в десятом классе. Мы жили на первом этаже в коммунальной квартире. Утром все расходились на работу. И я каждый день перед школой включал музыку и смотрел в окно. И мимо окна каждый день шла на работу девушка, которая училась со мной раньше в одной школе. Она работала на заводе, который располагался за нашим домом. Еще в школе Игорь Горкин, когда мы во дворе играли в пинг-понг, сказал: «Смотри, как на тебя Нинка смотрит». Тогда я обратил на нее внимание. И вот она уже работала и каждый день ходила мимо моего окна и слушала музыку, которую я проигрывал в комнате. Я чувствовал, как рдеют ее щеки и как блестят ее глаза, когда она проходила мимо. Однажды я пригласил ее зайти в гости. Она зашла, мы поговорили. Все получилось как-то быстро. Мы оба запыхались и ничего не поняли. На следующий день все повторилось. Я ее поджидал у раскрытого окна. Она пришла, хотя и не хотела и даже немного сопротивлялась, ожидая услышать от меня что-то важное, чего я ей так и не сказал. После этого Нинка перестала ходить по дороге на работу мимо моего окна. А я не стал искать с ней встречи. Но мы еще были слишком молоды.

– А после Нинки были еще девушки?

– Не хочу обманывать.

– Я и так знаю. Видела, как в клубе за тобой бегают девочки. Как они вокруг тебя вертятся.

– Одно дело все время пользоваться предметом необходимости и другое дорожить чем-то и восхищаться.

– Мне кажется, мужчинам проще. Они входят. Девушки впускают их. И это разные философии входить и впускать. Одно дело покорять мир, и другое дело делиться своим миром. Но последнее время в связи с унисексом, однополыми браками и разными приспособлениями эти понятия размываются.

– Да, ты правильно говоришь. У меня была девушка. Я после института даже хотел на ней жениться. Мы встречались. И она однажды пригласила меня к себе в гости. И когда я вошел в ее квартиру, то мне показалось, что я вошел в нее. Она разрешила мне войти к ней в комнату, пока она готовила чай. Я смотрел на ее письменный стол, полки, на которых стояло много игрушек мягких и пластмассовых, одетых в разные вещи. И я брал их в руки и представлял, как она брала их. И от этого она казалась мне ближе, чем была. Я сразу понял, что в этой комнате бывали только близкие ей люди. И это было ее доверие мне. Мы пили чай. Ее родители уехали на дачу. И я входил в нее так же, как входил в ее комнату. Это было так здорово... Она доверила мне себя и свои вещи. А родители не доверили мне ее. Они приготовили для нее правильного, достойного молодого человека. И они скоро поженились. Добрачные отношения сейчас упростились, но не всегда они открывают путь к совместной жизни. И в то же время они помогают понять жизнь и человека, на которого ты рассчитываешь. Пока молод, ошибок не избежать. У нас в институте решили пожениться молодые ребята. Вместе гуляли, целовались. Расписались и через месяц разбежались. Разъехались... И больше не хотели друг друга видеть. Что оказалось не только большим испытанием для двоих, но и драмой с травмой на всю жизнь.

– Я всегда этого очень боялась. И все девочки поэтому мечтают, представляют своего возлюбленного, думают о мальчиках и примеривают их к себе...

– Как кофточки...

– Если хочешь, так...

– Девочки мечтают о счастье в семье.

– Мальчики тоже не только в машинки играют.

– Девочки готовят себя к семейной жизни, думают об этом.

– Для того, чтобы это произошло, хорошо бы знать, чего ты хочешь от другого человека.

Что ты хочешь от человека, который мог бы стать твоим спутником на всю жизнь. Но жизнь такая длинная. И люди имеют обыкновения меняться. В начале жизни они были одни, в середине становятся другими и в старости их вообще трудно узнать. Человек меняется от рождения и до самой старости под воздействием внешних обстоятельств и саморазвития. Конечно, есть те, которые себе не изменяют никогда и ни в чем.

– Можно меняться вместе. Когда один идет за другим и тоже меняется.

– И как можно узнать человека за небольшой промежуток времени?.. Как можно узнать человека так, чтобы построить с ним жизнь? Как можно его узнать, если он сам себя часто не знает. И не знает, как поступит в той или иной ситуации. Он думает, что герой и поступит так, а что-то происходит и он поступает совсем иначе, чем от него не ждали.

– Достаточно узнать какие-то важные черты характера: верность, доброта, отзывчивость.

– И какие важные черты ты узнала у Жоры? Какие?

– Уверенность в себе, настойчивость, мужественность...

– Что-то мне не верится...

– Это просто ревность.

– Обрати внимание. Опять ты не говоришь мне «ты». Почему? Скажи иначе.

– Хорошо, скажу. Ты просто ревнуешь меня к нему.

– Я?..

– Да, ты все время хочешь доказать, что он плохой.

– В нем действительно есть что-то нехорошее. Угроза, подавление присутствующих... Я его сразу почувствовал. Его эгоизм, скрытое хамство, подлость, если хочешь. Почему он не вышел ко мне, чтобы выяснить отношения один на один?

– Не знаю... Откуда мне знать, что там у вас произошло.

– Я тоже, не знаю.

– Чувствую, что-то случилось с папой, что-то гадкое, подлое. Я всегда такое чувствую. Сердце вешун.

– Ты говорила, что Жора настаивал на добрых отношениях.

– Однажды он заговорил об этом, что нужно проверить подходим мы друг к другу по физическим показателям. Я читала что-то об этом. Ну, что бывают случаи, когда люди не подходят друг другу по психоэмоциональным или физическим показателям. Меня это несколько озадачило, но я знала, что такое может быть. В литературе об этом много написано.

– Это когда люди плохо друг друга понимают, по-разному относятся к одному и тому же событию или у мужчины недостаточный в размерах вторичный половой признак или, наоборот, слишком большой по отношению к ее половому вместилищу?.. Так?

– Что-то в этом роде. В тот день в клубе мы сидели, выпивали. Я завела речь о свадьбе, сказала, что нам нужно определиться с датой бракосочетания. Он согласился и неожиданно заговорил со мной об этом. Предложил начать отношения до свадьбы. Мне показалось, что он просто не хочет говорить о свадьбе и поэтому завел речь о добрых отношениях. Показалось, что это уловка, что он перевел специально разговор на другое. После клуба мы поехали ко мне. Он привез меня на машине. Мы поднялись ко мне домой.

– Он говорил тебе, что любит?

– Нет.

– Говорил, что он без тебя не может жить?

– Нет. Разве сейчас говорят такие слова? Он мне сделал предложение. Этого достаточно.

– Как он это сказал?

– Он сказал: «Будешь моей?» Я спросила это что предложение стать женой. И он ответил: «Типа да».

– Он не стоял на коленях, не протягивал коробочку с колечком? – издевался Игорь.

– Нет. Ну, это же Жора. От него ничего такого не дождешься. В ту ночь, которая для нас должна была стать первой, он повел себя благородно.

– В каком смысле? Что он сделал?

– Он не сделал то, что собирался сделать.

– Расскажи поподробней, – попросил он, что-то предчувствуя.

– Я бы не хотела.

– Я прошу, расскажи, – настойчиво попросил он.

– Зачем тебе это нужно?

– Расскажи...

– Хорошо... Я оставила его в гостиной и пошла в ванную комнату. Приняла душ, выхожу в пеньюаре, а она открыл мой бар и сидит, выпивает. Я ему сказала: «Жора, что ты делаешь? Это первая наша ночь». Он говорит: «Мне нужно выпить». Я села рядом, выпила с ним. Попросила его пойти и принять душ. Он сказал, что в баню с друзьями ходил. Иногда от него плохо пахло. Как будто человек, не помывшись на себя лосьон поливает. Вообще он потливый. Это у многих бывает. Он еще выпил, взял меня за руку и повел в спальню. В темноте начал раздевать и... У него не получилось.

– Не понял, что не получилось.

– Темнота скрывает шрамы, – сказала она и отвернулась.

– Что скрывает? Так что случилось?

– Я боюсь полной темноты и замкнутого пространства. Это началось после того, как я не могла вылезти из горящей машины. – Она замолчала и продолжила. – Темнота скрывает шрамы... Я не хотела зажигать свет. Он, наоборот, хотел зажечь свет. Но я предложила ему включить ночник. Зачем я это сделала? Он нервно сказал, не надо, пусть будет, как ты хочешь. Я стояла без всего перед ним. Обнаженная... Неожиданно он, словно что-то забыл, достал зажигалку и зажег ее. От огня я вскрикнула и увидела его лицо близко. Он поднес зажигалку ближе к моему лицу. Я оцепенела. Открытого огня я тоже боюсь с тех пор. И тут я увидела на его лице ужас и отвращение... Он увидел мои шрамы на лице и лицо его исказилось. Он смотрел на них, взял меня рукой за горло и стал сдавливать. Я испугалась, думала, он меня задушит. У него были такие страшные глаза. Это были глаза маньяка, патологического убийцы. Я видела, он хотел сделать мне больно и делал это. Я закричала, оттолкнула его и стала защищаться. Он словно пришел в себя. Потом долго просил прощение и говорил, что не знает, как это произошло и что на него нашло. Но те глаза близко от моего лица, полные ненависти и отвращения, я никогда не забуду. Я очень испугалась.

Она плакала. Слезы текли у нее по щекам. И в этот момент он будто заново увидел ее шрамы. И ему от них тоже стало не хорошо. Он отвел от нее глаза, чтобы скрыть свое отвращение.

– Это все из-за меня произошло. Из-за моего лица. Из-за шрамов. Он испугался меня, когда осветил лицо зажигалкой. Я видела на его лице обескураженность и тень гадливости. Именно эти чувства спровоцировали Жору на жестокость ко мне. Поэтому он схватил меня за горло. Жора не мог обладать мною, потому что все в нем, его тело и мозг, отвергали меня.

Игорь поднялся и сделал шаг к ней.

– Не надо плакать. Я прошу тебя... Прошу...

– Не нужно меня успокаивать.

Он взял ее за руку, поднял с кресла и прижал к себе.

– Что было дальше?

– Он уехал в тот вечер. А я напилась успокоительного и заснула.

Она заплакала навзрыд. Он обнял ее и прижал к груди.

– Тихо-тихо, не плач...

Плечи ее вздрагивали и не могли успокоиться. Он обнимал ее и ждал, когда она перестанет плакать.

– Это все из-за меня... Из-за меня... Из-за моего лица. Я никому не нужна... Никому...

Он стоял и не шевелился. Только сейчас он понимал, что ему нет никакого дела до ее лица, потому что в его руках плакала ее душа.

Когда люди находятся на расстоянии метра и полуметра, они не способны чувствовать другого человека. У них не возникает токов притяжения, сближения и взаимопонимания. Может появиться некое чувство отторжения или притяжения. Это при сильном взаимодействии эмоциональных, биологических полей. Человек только вошел в комнату, в вагон, в салон и уже возникает чувство притяжения или неприятия, желание сближения или барьер неприятия. Когда между ними двадцать сантиметров, десять или еще меньше, возникают робкие токи узнавания. И даже если было неприятие, оно видоизменяется, слабеет, преобразуется и может превратиться в симпатии. Начинаются токи понимания, сочувствия, появляются робкие ростки чувств, притяжение. Есть критическое расстояние между людьми, при котором происходит либо обострение негативного, либо взаимное проникновение потоков, прорастания из ниоткуда цветов понимания и рост симпатий. Возникают чувства, которые, как посланцы эмоций, несущие открытия и объяснения. И это все происходит без взглядов, без касаний или с таковыми. Когда же происходят касания, то это проявление доверия, поиски путей лучшего понимания. Часто люди находятся на расстоянии друг от друга, держат дистанцию, не позволяя никому преодолеть порог открытости и сверх доверия. Оболочки закрытости, сохранения

внутренней энергии лишь касаются и препятствуют проникновению друг в друга. Но стоит лишь движением, словом, касанием преодолеть критическое расстояние, и все может измениться, и начнется притяжение, пойдут, потекут токи взаимопонимания.

– Ну перестань... Перестань... – просил он. – Не нужно плакать...

– Это все я... Я... Со мною все не так... Все не так...

Она в отчаянии вскрикнула, застонала и начала биться в его руках, метаться, мотать из стороны в сторону головой. И ее роскошные волосы ходили волнами справа налево и слева направо.

– Я никому не нужна...

Он удерживал ее и не давал проявить себя всю в отчаянии, не доводя до крайней степени.

– Я прошу тебя, не нужно... Не нужно этого...

Он не знал, как следует успокаивать девушек. Поэтому он прижал ее к себе, начал гладить, и она перестала биться в его руках. Чтобы у нее не повторился приступ крайнего отчаяния, он, заметив, что она успокаивается, тут же поцеловал, как когда-то в детстве его после наказания и просьб о прощении целовала мать. Это подействовало. И он стал целовать ее в волосы, в висок, в щеку. Она совсем затихла. И он замер. Одной рукой он теперь держал ее за талию, другой придерживал локоть руки, которую она ладонью положила ему на грудь. Ему казалось, что его рубашка на груди становится влажной. Ее горячее дыхание обжигала ему верхнюю часть груди и горло. Если сначала он испытывал к ней жалость, то теперь его тянуло к этой девушке. Ему и дальше хотелось обнимать ее. И вдруг он почувствовал, что его мужское желание начинает расти. Оно становится больше, крепче, сильнее. В нем боролось два чувства. Одно требовало, чтобы он положил ее на кровать, успокаивая, гладил и просил заснуть. Другое чувство просило и требовало его, чтобы он познал ее, познал до конца во всем ее естестве. И она что-то почувствовала и отвернула от него лицо, как будто ей было стыдно себя, своих слез и его жалости. Она чувствовала его жалость к себе, и за это ей было стыдно. Ей казалось, что возникло что-то неуловимое между ними. Но она боялась ошибиться в этом чувстве. Ей снова захотелось закрыться и не пускать его в свои мысли и свои чувства. Но он уже владел ими.

Он посмотрел на ее роскошные волосы. Она спрятала от него свое лицо. Ее волосы выглядели великолепными. Тогда из-за шрама показалось, что у нее ущербные волосы и зубы. Но это теперь он видел, что это не так. Он наклонился и прижался щекой к ее волосам. И она словно наполнилась чем-то большим и теплым. И это большое и теплое двинулось к нему. Он поцеловал ее в волосы и оставил свои губы в ее волосах. Она не двигалась. Он снова поцеловал ее в волосы, опустил голову ниже, отодвинулся слегка от нее грудью и поцеловал в ушко и в щеку. Она стала мягкой податливой и словно ждала от него чего-то еще. Он поцеловал ее в шею и дотронулся рукой, которой держал талию, до шеи. Белая, гладкая и зовущая, она ждала его поцелуев. И он снова поцеловал ее в шею. Он хотел поцеловать ее в губы. Но она отвернула лицо. Тогда он руками взялся за воротник халата и потянул ее вверх так, что ей пришлось встать на цыпочки. Она не могла ему сопротивляться и отводить губы в сторону. Он придвинул ее к своим губам, чуть наклонился сам, чтобы не сделать ей больно и поцеловал. Ее горячие сухие губы не ждали его и не раскрывались цветком. Он обнимал ее губы своими губами, и нежно в закрытом поцелуе провел язычком по ее сухим сомкнутым губам. Он целовал ее и водил по ее губам языком, пока они не раскрылись и не пустили его к себе. Он целовал ее, словно пил. Она не противилась и, словно боялась что-то сделать не так. В поцелуе, он распустил пояс ее халата и раздвинул шторки сложенного вовнутрь воротника. Посмотрел на ее грудь и увидел, что она такая, какой он хотел ее видеть. Он снова словно окунулся в свой поцелуй. Это был его поцелуй. Она не отвечала ему и как будто что-то ждала. Он раскрыл занавес ее халата, раздвинул рукой борта, и провел рукой по груди. Ощущая необыкновенную нежность, он дотронулся нежно до ее белоснежной груди. И она, уходя из поцелуя с гибким извивом, двинулась и чуть отодвинулась от него, не давая ему насладиться касанием ее груди.

Он понял, что задел невольно сосок и причинил ей неудобство. Дальше он делал все так, чтобы не причинять ей неудобств. Он снова вошел с ней в поцелуй, положил руку ей на грудь между сосков и потом, не переставая целовать, взялся рукой за ее нежную грудь. Это добавило ему сил. Он снимал с нее халат. И как только чувствовал, что ей неудобно, менял движение, добиваясь того, чтобы халат сползал с нее. Она перехватила халат на поясе и попросила:

– Выключи свет...

Он боялся от нее отойти, не хотел потерять соединяющие нити сближения.

– Зачем?

– Выключи... Ночью шрамы не видны, – тихо и как будто много обещающе сказала она.

Он подошел к выключателю и выключил свет. Она тут же отпустила халат, и тот упал ей в ноги. Он вернулся к ней, взял за руку и подвел к постели. Опустился коленом на одеяло и потянул ее за собой. Она словно в чем-то сомневалась. Он потянул ее за руку вниз. Она оставалась на месте. Тогда он потянул руку дальше за себя так, что ее лицо приблизилось к его лицу. И он снова стал ее целовать. И в поцелуе она двинулась за ним. Когда она коснулась коленями постели он потянул ее дальше и перевернул лицом к себе. В темноте он видел только ее глаза. Когда он снова хотел ее поцеловать, продолжая действие постижения ее сути, она вдруг отвернулась и сказала:

– Я не уверена, что нам нужно это делать.

– Почему?

– Нельзя.

– Почему нельзя?

– Нельзя... Нельзя... Разве ты не понимаешь? – тихо спросила она, понимая, что находится на грани. И что за этой гранью она не ведала и очень ее боялась. Она желала его, но не позволяла себе в этом признаться, не позволяла раскрыться и кинуться навстречу. Что если он потом посмотрит на нее с презрением? Что если он разочаруется в ней. Что если это просто жалость с его стороны и слабость с ее стороны. Что если все это не по-настоящему?

Он промолчал, лег рядом, думая над ее словами и все никак не мог понять, почему она так казала. Прислушался к себе и вновь чувства накинудись на него с новой силой. Он повернулся к ней. Она смотрела в потолок. Он видел ее глаза, протянул руку, взял ее ладонь в свою руку. И она ойкнула, всколыхнулась вся, словно всю себя вспоминая, и себя и свое чувство. И снова в ней все забурлило и затребовало его. И он почувствовал это и двинулся к ней, приник к ее губам. И она снова не ответила ему на поцелуй, и позволяла себя целовать. И он сел на кровати и рывком выдернул из-под себя почти снятый халат. И снова услышал от нее:

– Нельзя... Нельзя...

Она отвернулась от него и снова сказала:

– Нельзя...

И он разозлился на нее, лег и отвернулся в другую сторону. И они оба никак не могли заснуть, прислушивались к дыханию. Забывались коротким сном и прислушивались друг к другу.

В какой-то момент он очнулся о того, что ее рука искала его. Он тут же схватил ее за руку и спросил:

– Что?.. Что случилось?

– Не уходи... Мне показалось, что ты ушел. Я не хочу, чтобы ты ушел...

Он держал ее руку в своей руке. Ее рука была горячая. Она повернул ее к себе и увидел, как по ее лицу текут слезы.

– Я твоя! Твоя! – сказала она. – Мне только что причудилось или приснилось, что случится какая-то беда, если мы расстанемся. Это большая беда... Я так испугалась.

Ее голос дрожал.

– Успокойся. Я с тобой... Я никуда не уйду.

– Я твоя!.. Люби меня... Люби! Только люби... – со слезами говорила она.

И он приник ней как к роднику, чтобы пить и пить. Ее тело, ее груди, ее бедра теперь все это принадлежала ему. И он целовал ее и не мог остановиться. И все медлил ее брать, медлил насладиться ее живительным соком.

– Ночью шрамы не видны, – шептала она.

И он целовал ее в губы и в грудь.

– Я твоя! Твоя!

И он все медлил и медлил, чтобы не доставить ей беспокойство. И он уже был близок к ней. И она начинала стонать. И тогда он отступал. И снова приходил к ней, чтобы войти и возобладать. И тогда она всхлипывала от мгновенной боли. И он целовал ее в губы, вбирая в себя ее стоны и входил. Целовал и входил. Находился у входа и все пытался войти. И вот в какой-то момент она ответила на его поцелуй. И он почувствовал, что она желает его всецело, как он ее. И он сильный и могущественный в своем желании, наконец-то, вошел в нее и ощутил ее всю. И он входил в нее и выходил, чтобы снова войти и ощутить это чувство заново. И она помогала ему в этом. И они оба поднимались куда-то вверх, приближаясь к урагану чувств и буре эмоций. Он слышал, как она шептала:

– Ночью шрамы не видны...

И его это только подхлестывало. Он порхал над ней и из его груди вылетали слова:

– Я люблю тебя! Люблю! Люблю!

Он шептал ей о своей любви и все поднимался, и поднимался к буре. И они оба чувствовали, что буря приближается. И вот налетел ветерок. Зашуршали их чувства. Пошли волны, которые налетали и отлетали, и снова налетали. И что-то подхватывало их и начинало качать, нести. И они оба отдавались налетающей стихии. Эти толчки, эти волны были только предвестниками стихии. Они готовили почву, раскачивали пространство, освобождая его для потрясений. И вот словно подул сильный ветер и их подняло и понесло. Так буря налетает с дальних полей на сады и обильно стряхивает с деревьев плоды. Так клонятся, шатаются, машут ветвями деревья. А буря все не устает и трясет, и трясет яблоки с листьями. И листья падают и шуршат, а яблоки падают с таким сладким звуком. И буря то затихала, то снова принималась бушевать. Она налетала несколько раз.

И уже наступил рассвет, а они все не могли насытиться друг другом. Они узнали, что такое бесконечность. В нем появилась широта полей, разбросанность лесов. Его руки были раскинуты и он, словно обнимал ими весь земной шар. В ней покоилось умиротворение. Она лежала на боку, головой на его руке. И в ее покорной позе с согнутыми коленями и подобранными к подбородку руками угадывалась спокойная текучесть и плавность реки.

Они изнемогшие спали в утренних лучах. Когда в дверь постучались, оба очнулись и прислушались. За дверью кто-то неистовствовал. Слышался голос. Он приподнял голову и поцеловал ее в шрам на щеке.

Она открыла глаза.

– Лежи, я открою и узнаю, в чем дело.

Он накинул халат, перехватил его поясом и открыл дверь.

– Уже десять часов утра, – сказала горничная. – Нам нужно готовить номер для итальянца. Он уже звонил из аэропорта.

– Сколько у нас есть времени?

– Полчаса... Ну, максимум сорок минут.

Он кивнул горничной и закрыл дверь.

– Сколько времени? – спросила она – У меня телефон разрядился. Странно, он никогда не разряжался так прежде.

– Десять часов, – сказал он, подошел к шкафу, достал из костюма свой мобильный телефон. Тот не реагировал на кнопки. – Мой тоже разрядился донельзя.

Он отбросил телефон на край кровати и подполз к ней. Не говоря ни слова, он положил ее спиной на кровать и стал целовать, снимая халат, который она едва успела накинуть.

– Сумасшедший, мне нужно почистить зубы, умыться...

– Я стану твоей расческой, твоей зубной щеткой, твоим полотенцем. Я стану всем, что тебя окружает.

– Это правда, что ты мне говорил ночью?

– Что я тебе говорил?

– Что ты меня любишь.

– Правда. Вырвалось из самых потайных уголков души.

Он снова принялся ее целовать, и она уступала ему понемногу. Уступала и уступала, и уступила совсем.

Она шептала:

– Я люблю тебя! Люблю!.. – и стонала. – Любимый... Я твоя!.. Твоя!

И он шептал ей:

– Я желаю тебя, твои губы, твои щеки, твои глаза. Я желаю твое тело! Тебя всю!

И снова бушевала буря. И тела испытывали нетерпение и болели от усилий. И снова губы шептали о любви.

Через некоторое время снова послышался стук в дверь. И он снова лежал, раскинув руки.

– Я открою, – сказала она.

За дверью стояла администратор.

– Я прошу вас покинуть номер. Он забронирован. Сменщица сказала мне, что вы только на ночь...

– Не беспокойтесь, мы сейчас уходим.

Мир перестал существовать для них. Они видели только друг друга. Слышали только друг друга. Они порхали по номеру и собирались покинуть его.

– Жалко, что нам нужно уходить отсюда, – посетовал он.

– Да, жалко, – сказала она. – Надо телефоны зарядить.

– В машине зарядим.

Они оделись и вышли из номера. Он держал ее за талию. И она шла, прижимаясь к нему.

– Моя душа порхает как бабочка и перелетает с цветка на цветок.

– У меня ощущение, как будто я все время летала. И сейчас ноги легкие. Я иду, не чувствуя пола. Куда мы сейчас?

– В будущее.

– Может быть, нас ищут.

– Наверняка. Заберем со стоянки машину, зарядим телефоны. Дальше будет видно. Я хочу позвонить Владику. Он физик, как и папа. У них загородный дом с постройками на участке. Папа академик, все время в делах. За городом сейчас никто не живет. Семья приезжает на выходные отдыхать. Можно было бы у них пожить.

Они прошли по набережной, зашли на парковку. Пока искали машину, три раза останавливались и целовались до головокружения.

– Мы так машину не найдем, – сказала она и улыбнулась.

– Найдем, – уверенно сказал он. – Вон она!

Она по-прежнему старалась находиться слева от него. И он ее понимал. Хотя сейчас ему было все равно есть у нее шрам или его нет.

Он открыл ей дверь. Она села. Он сел за руль, завел мотор, достал из кармана брुक мобильный и включил на зарядку.

– Я очень беспокоюсь за отца, – сказала она.

– Сейчас один звонок, – сказал он и нахмурился,

Он никак не мог ей сказать, что с отцом плохо. Охранник сказал, что Сэма и его компания убили. Он подумал о том, как бы ему все разузнать, взялся за телефон и набрал номер:

– Владюша, привет. Скажи можно мне у тебя в загородном доме перекачаться несколько дней... – Он увидел, что она на него смотрит и подмигнула ей. – У меня сложная ситуация... Ключ у сторожей. Ты их предупредишь?.. Понял. Баня работает? Хорошо... Дорогу я помню... Пока. Обязательно, как разместимся, я позвоню.

Он отключил телефон от зарядки на автомобиле. Тот сразу мяукнул и отключился.

– Давай твой телефон.

Она достала из сумочки свой телефон и протянула, чтобы он соединил его с зарядным устройством.

Едва они выехали из парковки, она стала звонить отцу. Его телефон не отвечал. Она несколько раз набирала его номер. Длинные продолжительные гудки не давали никакой надежды. Как только она очередной раз отключилась от линии, которая соединяла с телефоном ее отца, ее телефон вдруг сам зазвонил. Она посмотрела на экран и увидела высветившийся незнакомый номер телефона. Он увидел ее замешательство и кивнул. Она включила телефон в соединение.

– Алло! Это ты? – спросил густой баритон.

– Я, – ответила она.

– Это я... узнала?

– Да, – ответила она неуверенно.

– Где ты? – спросил Жора. – Мне нужно с тобой встретиться.

– Я у друзей.

– С этим, который из клуба?

– Да.

– Где мы встретимся?

– Нигде.

– Тебе отец не звонил?

– Нет. Что с ним?

– Не знаю. Его здесь ищут...

Она отключилась от линии.

Снова зазвонил телефон. Она нажала зеленую трубку на телефоне.

– Мы вас все равно найдем, – сказал Жора.

И она снова отключилась от линии.

– Они ищут папу. Я не знаю, где он и что с ним. Нужна ему помощь или нет?

– Во всяком случае, с Жорой тебе встречаться не стоит до тех пор, пока что-то не выяснится об отце. Едем за город. Там нас никто не найдет какое-то время. Да, выключи, пожалуйста, телефон, чтобы они не смогли нас найти.

Она кивнула и выключила телефон.

– Заедем в магазин. Еды там нет никакой...

Она кивнула.

Они выехали на набережную и покатали по проспекту.

– За этой высоткой будет супермаркет, – сказала он. – Ты посидишь в машине, я зайду и куплю все необходимое.

– Хочу пойти с тобой.

– Хорошо, пойдем. Ты что-нибудь мне подскажешь...

Они ходили по супермаркету и набирали в тележку продукты.

– Фрукты тоже нужно будет купить.

Он кивнул.

С тележкой они вышли из магазина, подкатили ее к машине, открыли заднюю дверь и стали перегружать продукты из тележки в багажник.

Откатив тележку от машины, он обнял ее, поцеловал и усадил на переднее сидение. Сел сам, завел мотор, они выехали на набережную и покатали к выезду из города.

Она открыла окошко.

– Закрой попросил он.

– Хочу подышать речным воздухом.

– За город выедем и откроем верх.

Он нажал на педаль газа, положил руку ей на колено, повел немного выше, поднимая ее платье. Она взялась своей рукой за его руку и так они поехали дальше. Токи любви шли через их руки, доходили до сердца и заставляли его сильнее биться.

– Я не могу дождаться, когда мы приедем, – нетерпеливо сказал он.

– Я тоже хочу к тебе, – сказала она.

Он подвинул свою руку выше по ее ноге, и она тут же крепче сжала его кисть. Он расслабил руку и погладил, помассировал ее ногу. Почувствовал, что рука ее держит его кисть не так крепко и снова подвинул руку выше колена. Она снова схватила его руки и засмеялась.

– Смотри на дорогу, – сквозь смех сказала она.

– Смотрю, – отозвался он.

Он посмотрел на нее и увидел ее наполненность жизнью. Она переполняла ее. Ту же самую наполненность жизнью он чувствовал в себе. Необыкновенный подъем физических и духовных сил. Она сидела левой стороной к нему. Он не видел ее шрамов. Но ему было все равно. Эта девушка, которая прошедшей ночью стала женщиной, казалась ему необыкновенно дорога. Он видел в ней ее душу и желал вместе с ее телом.

– Осторожно машина, – сказала она нежно. – Не отвлекайся, пожалуйста. Мы все еще успеем.

Он убрал руку с ее ноги, смотрел на дорогу и чувствовал, что истекает к ней соком. Она находилась в самом центре его сердца. Теперь ее шрам он воспринимал как печать его любви. Отметина, по которой он ее отыщет среди тысяч других и везде найдет.

Она сидела рядом на переднем сидении кабриолета и чувствовала, что любит этого человека. Она чувствует его как-то всего и все в нем ее импонирует и радует. Глаза ее блестели, щеки счастливо приподнимались к глазам. Она ждала его к себе, его губы, его тело, его напряженную проникающую суть, и чувствовала, как увлажняется ее женское лоно, как оно расцветает и словно зовет к себе. Она истекала соком любви и с трудом сдерживала свое нетерпение.

Поглощенные друг другом

Машина развернулась на эстакаде, свернула вправо и выехала на дорогу к загородному дому. Впереди показался лес. Он ждал следующий поворот и съезд в лес, который они не должны были проехать. Повернули налево, съехали в лес, и он сразу надавил на газ. Машина рванула на асфальтовой крошке, резво покатила по лесной дороге, испытывая потряхивания от небольших неровностей, и через полтора километра уперлась в ворота.

– Подожди, – попросил он, вышел из машины и направился к появившемуся охраннику.

Он объяснил ему, что приехал в гости, назвал свое имя, фамилию, достал паспорт и показал пальцем на красный закрытый кабриолет. Она видела, как кивнул ему охранник, и тот направился обратно к машине.

Они поехали по асфальтовой дорожке между высокими заборами, свернули вправо и подкатили к воротам загородного дома. Игорь вышел из машины и позвонил в звонок у калитки дома. Из калитки появилась женщина старше средних лет с белым фартуком.

– Здравствуйте, Мария Александровна, – сказал он и широко улыбнулся.

– Здравствуйте, Игорь. Мне Владя звонил. Она достала связку ключей с брелоком, нажала на кнопку брелока и ворота медленно поехали в сторону.

– Заезжайте.

Машина заехала в образовавшуюся брешь и остановилась за воротами на территории дома.

Мария Александровна закрыла калитку, подошла к машине и отдала связку ключей.

– Ты все знаешь. Гостевая приготовлена, в бане свежее белье. Уезжать будете, ключи отдадите.

Он кивнул ей в знак благодарности и забрал связку ключей. Когда ворота стали закрываться, Мария Александровна пошла в домик прислуги, который располагался прямо у ворот.

Он проводил ее взглядом, нажал педаль газа, и машина подкатила к подъезду трехэтажного особняка с крыльцом и декоративными колоннами.

Они вышли из машины по ступенькам поднялись на крыльцо с ажурным навесом к входной двери. Он одной рукой нес сумку с продуктами. Другой достал из кармана убранный связку ключей и безошибочно выбрал нужный, самый видный ключ.

Дверь открылась легко. Он пропустил ее в просторный холл, вошел сам и снова закрыл дверь на ключ.

– Нам на второй этаж. Там гостевая, наша комната.

Они прошли к центру каминного зала и остановились. Игорь поставил сумку с продуктами на пол.

– Дом уютный, давнишний. Лучшие времена его прошли, но в нем есть свои прелести. Это каминный зал, с холлом, обеденный зал, кухня. В школьные годы, я помню, здесь собиралось много народа, устраивали новогодние елки, собирались большие шумные кампании. Идем наверх... Сюда... По ступенькам... Направо, в закуток наша дверь...

Он отпер дверь, и они вошли.

– Это наше пристанище...

Она осмотрела комнату: двуспальная кровать, резной старинный шкаф, стол с двумя стульями, прикроватные тумбочки.

– Ванна есть?

– Есть на этаже. Но воды горячей нет.

Она явно огорчилась и сказала:

– Я хотела принять душ.

– Мария Александровна включила котел, скоро будет душ. Сейчас мы пойдем в баню. У них шикарная русская баня.

Она улыбнулась.

– Парилка, помывочная и комната отдыха с верандой и барбекю. Бутылочку вина разопьем в бане. Возьмем с собой продукты.

– Там есть плита? Я наскоро что-нибудь приготовлю.

– Не помню. Возможно, маленькая, электрическая, – сказал он и посмотрел на нее. – Замерзла?

Она кивнула.

– Это нервное. Через пару часов здесь будет тепло.

Он обнял ее и поцеловал.

– Я хочу посмотреть дом.

– Пойдем я тебе все покажу. Есть цокольный этаж. Там гараж и мастерская. На третьем этаже детские комнаты и игровая. – Они поднялись на третий этаж. – Это игровая комната и спортивная. Подиум... На нем играли в основном дети. И три детские комнаты. Все выходят и играют на подиуме, когда на улице плохая погода или дождь.

– Покажи мне хотя бы одну детскую комнату.

Он распахнул одну дверь.

– Двухъярусная кровать. Сразу видно, что здесь дети спят и играют.

– Удобно. Экономит в комнате место. Это комната детей брата Владика.

– А выше?

– Лестница ведет на чердак. Пойдем вниз... – Они снова спустились на второй этаж. – Это комната родителей. Дальше рабочий кабинет. Две комнаты Влада и его брата. Спускаемся в холл и пойдем в баню.

Они спустились в зал.

– Здесь удобно у камина сидеть.

Она подошла к камину. Посмотрела на кресла, диван, словно что-то вспоминала. Он подошел, обнял ее сзади.

– У нас тоже в загородном доме есть камин, – сказала она. – Папа любил сидеть у камина пить коньяк и думать.

Он поцеловал ее в шею. Она сразу вздрогнула, словно очнулась и повернулась к нему лицом. Они обнялись и поцеловались. Их поцелуй все разгорался и разгорался. Но она не позволила ему разгореться до пожирающего все огня и отняла у него губы.

– Что ты?

– Иди в баню, – улыбнулась она. – Лучше вместе со мной.

– Согласен, пойдем.

Он, улыбаясь, взял сумку с вином и продуктами. Они вышли из дома. Он закрыл дверь на ключ, и они пошли по дорожке к хозяйственным постройкам.

Все, что они делали и говорили друг другу, имело какой-то особый смысл. Они оба желали только одного уединения и слияния. И как-только кого-то из них захватывала эта мысль тот начинал заикаться, терять связь мыслей и отводить глаза в сторону, как будто что-то потерял важное. На самом деле он терял точку опоры в себе и приобретал пластичность, текучесть, зависимость от другого.

Он вел ее к бане положил руку на талию так, что чувствовал переход от тонкой талии к округлым бедрам. Чтобы чувствовать ее бедро своим, он старался идти в ногу. Когда они сбивались и шли несинхронно, он снова принаравливался чтобы идти в ногу и чувствовать ее бедро своим. По мере приближения к бане он чувствовал, как весь наполняется теплом. Чувства и эмоции наполняли его, как шарик наполняется теплым воздухом. Все в нем поднималось и хотело полететь.

– Вот это, бревенчатая баня, – показал он. Остановился и принялся искать в связке ключ от нее. Он попробовал один ключ, второй. И третьим открыл дверь. Они вошли на веранду. Здесь стоял большой стол и лавки. Напротив, входа располагалось барбекю. Они вошли в предбанник, и на них пошел банный запах. На стенах висели веники березовые, дубовые, можжевеловые, эвкалиптовые. В помывочной на полках лежали халаты, простыни, полотенца. В душевой на полках стояли пузырьки и баночки с шампунями. Все источало чистоту и словно ждало их. Она расчувствовалась, вздохнула, повернулась к нему лицом и с объятиями упала на грудь. Он поставил сумку с продуктами на пол и обнял ее. Она дрожала.

– Ну что ты?

– Не знаю.

Ее дрожь и легкое подрагивание передалось и ему.

– Это сейчас пройдет, – сказала она.

Он обнял ее сильнее и прижал к себе. Поцеловал в волосы. Она подняла на него глаза, и он поймал ее неуловимые губы, которые она прятала от него, как только он обнимал ее и хотел поцеловать. Токи любви пошли от тела к телу. И они стали наливать теплом любви. Ему казалось, что он становится большим и заполняет всю баню. Все в нем поднималось и крепло. И те истечения, которые он испытывал, находясь с ней, словно прекратились и ждали фонтана, ждали неистового извержения вулкана. И если его сила, то поднималась и ждала разрешения, когда он касался ее и чуть заикался, и волновался, то снова медленно сникала и ждала призывов. То теперь он сам, словно накалился, набряк отдельными частями, стал стойким, крепким, пронзительным.

Она ждала его внимания. Томилась и истекала соком любви и ожидания. Она трепетно ждала, когда он волнами начнет к ней приступать и овладевать, когда он коснется ее недр, чтобы войти и изведать все, что она к нему накопила за прошедшие годы и берегла только для него.

У него кружилась голова. Под ногами мешалась сумка с продуктами. Он поцеловал ее, разжал руки и убрал пакет с пола, поставив на столик. С полки он взял белую простынь для парной, развернул ее и набросил на диван. Движения его были лихорадочны и торопливы. Он боялся, что что-то изменится, и хотел только одного.

– Пожалуйста, наша белая ладья ждет нас для плавания, – дрожащим голосом произнес он.

Она смутилась.

Он торопливо стал снимать пиджак и расстегивать рубашку. Она не двигалась.

– Что такое? – спросил он.

– Я стесняюсь.

Он посмотрел в окошко на улицу. Через него в парную пронимал солнечный свет.

«Ночью шрамы не видны», – вспомнил он и сказал:

– Закрой глаза.

– Не могу... – ответила она.

Он перестал расстегивать рубашку и подошел к ней. Прижал к себе и замер. Она слегка подрагивала, как струна, которая только что издала звуки и замолчала. Ее горячий пах приник к его паху. Он его чувствовал через брюки и ее платье. Он расстегнул ее жакет и поцеловал в грудь. Она испуганно тихо ойкнула и с облегчением вздохнула. Он еще больше обнажил насколько можно ее грудь и снова поцеловал. Она застонала. Взяла руками его голову, и сама стала целовать. И она целовал ее и раздевал. И снова он искал способы, чтобы не доставить ей беспокойства. Жакет упал на пол под ноги первым. Темное платье с фиолетовой вставкой он поднимал пальчиками двумя руками, целуя ее в губы. И она как будто тонула в нем. Поднимала руки и уходила на дно наслаждений. А он через поднятые руки снимал с нее платье. Она глотала заливающую ее воду страсти и захлебывалась ей, и хватала раскрытым ртом воздух и

отвечала на его поцелуи. Обнимая, пальчиками, словно играл на клавишах, он искал застёжки на ее лифе. Он сразу понял, что это не крючочки, не завязочки, а пуговицы по выступающим головкам. Их было три, но он не понимал этого, а расстегивал и расстегивал одну за другой, продолжая ее целовать. И когда лиф ослаб и груди стали свободно мягкими и упругими, он приник ним и стал их целовать, не соблюдая очереди и переключаясь с одной на другую. А она стонала и держала двумя руками его голову. Ее губы шептали одно слово, непонятное, страшное и вечное. Они шептали:

– Люблю... Люблю... Люблю...

Она нагнулась и подтянула его голову к губам, словно прося поцелуев в губы. И он стал целовать ее губы. И она отвечала ему также страстно, глубоко и полно. И его язык приходил к ней в рот. И ее язык приходил к нему в рот. И они встречались на границе ее рта и изведывали губы друг друга. И он встал перед ней на колени и уперся головой в лобок, покрытый ажурными трусиками. И он через трусы поцеловал ее в горячий лобок. И она дрогнула и застонала. Он обнял ее бедра руками и провел снизу-вверх, прижимая руки к бедрам. И на талии его пальцы нащупали запретную границу упругую, растягивающуюся, которая плотно прилегала к ее телу. И он запустил пальца под резиночку и начал медленно делать все, чтобы ажурный материал начал сползать. Он целовал ее лобок, пах и покусывал ее тело под трусиками. А она стонала. И откинув голову назад, схватилась за лобок и снова застонала. А он с силой потянул шелковистую материю вниз. И где-то вдали показался лес. И он замер подбородком между полем и лесом, и уперся в лес носом. Он проводил шелковую материю в низ, до самого пола. Она сделала шаг назад, еще и ее руки задвигались локтями по ее бокам. Она схватилась руками за голову, словно вот-вот могла упасть. Он встал, подхватил ее и сделал вместе с ней еще шаг назад, снимая с себя одежду, и еще, пока она не уперлась ногой в диван и не села на него, держа себя одной рукой за голову. Он сел рядом и целовал ее в шею и в грудь. Он целовал ее в подбородок и в щеки. Точно так порхает над белой курочкой хищный ястреб, чтобы насытить ею свое тело. Он не хотел причинить ей боль и поэтому старался проявлять еще большую нежность. Если она испытывала неудобство и сквозь зубы со вздохом всасывала, втягивала воздух, он ослабевал напор и проявление страстей.

Она слушалась его движений, слушалась его пальцев и рук. Угадывала его желания и подчинялась им. Он доводил ее до экстаза до умопомрачения только касаниями и поцелуями. Они словно ходили по райским кущам и заходили в тайные, заповедные места, куда посторонним вход запрещен. Он являлся ее проводником, ее поводырем. И она то закрывала глаза, то открывала их, чтобы понять его движения лучше и откликаться. Он целовал ее, и она отклонялась под его руками. Она падала в пропасть и вдруг понимала, что он держит ее руками. Она ложилась на простынь, и ей казалось, что ее укладывают в колыбель. И его касания, его поцелуи вызывали истечение ее и маленькие сладкие конвульсии. Но она понимала, что это все еще только подготовка к главному, к главной сладости, к слиянию и восторгу. И в какой-то момент, когда его ласки ослабевали, она сама с силой хватала его тело, чтобы ощутить его силу и испросить новых ласк. И он снова приникал к ней и целовал.

Он повернул ее так, чтобы она легла рядом с ним. И наклонился, изгибая шею, и стал целовать ее снова и снова. В этот миг он походил на лебедя, как на картине Микеланджело «Леда», когда Зевс прилетает к Леде в виде прекрасного лебедя и соблазняет Леду своей бело-снежной красотой, и совокупляется с ней, прикрывая место соития, как ажурной занавесочкой, распушенным белым хвостом. В этой картине было столько экспрессии, столько страсти. И белый лебедь обладал ею распластав себя над Ледой и поместив себя между ее ног. Только он был еще на пути к обладанию предметом своей страсти. Голова кружилась. Он ничего не понимал и только хотел ее сути, ее тела и ее души.

Она словно теряла сознание, уходя в неведомые дали. И возвращалась, видя, что она уже обнажена и лежит на простыни. Она открывала глаза и закрывала. То, что она ждала, приближалось к ней, чтобы войти довести до экстаза и раствориться в ней новой жизнью.

Он струился к ней в желании. Ласкал ее груди, ее плечи, и целовал, целовал. Он словно забывал, что нужно делать дальше и наслаждался тем, что было ему доступно. И когда нежность и ласки достигали пика он чувствовал, что подъем чувств заканчивался, тогда он двигался дальше, приближаясь к заветному. От нетерпения он сглатывал слюну, вздрагивал и двигался навстречу наслаждению. Он чувствовал ее всю через поцелуи, через ласки. И теперь ему представлялось снова познать ее всю. Его крепость достигла предела. И напряжение шло от паха через все тело, подкатывало к горлу комком и стучало в висках. Он входил в нее осторожно, словно мальчик продирался сквозь кусты, словно ослепший от счастья мужчина, ищущий вход в рай на ощупь. Он входил медленно, чтобы не причинить ей вреда. И она, не выдержав вождления, сама стала ему помогать входить в себя. Они сливались в движениях и в желаниях. Он входил в нее и узнавал ее вновь и вновь. И он вошел в нее и ощутил пахом ее пах. Он был горячий и трепетный. Они построили мост между собой, по которому пошли, потекли токи бесконечной любви.

– Любимый... – говорила она.

– Любимая... – говорил он.

– Любимый... – говорила она.

– Любимая... – говорил он.

Они двигались навстречу друг другу. Спешили, стремились, тянулись, дотягивались. И все время им казалось мало от того, что они достигли. Все время хотелось большего.

И она постанывала и шептала:

– Как хорошо...

И он шептал ей:

– Ты моя... Чувствуешь меня?

– Да, чувствую...

– Я вхожу в тебя... Вхожу... И растворяюсь новой жизнью.

– Да, милый...

– Я живу в тебе... Ты моя...

– Любимый, – снова говорил он.

– Любимая, – снова говорил он.

И они подвигались к тому моменту, когда соки начинали их переполнять и вулканы набрякли чувственной лавой, начинали шевелиться, двигаться и дышать. И дыхание становилось бурным и сбивчивым. И вот наступило напряжение, которое переросло в землетрясение, которое чувствовали только они и которое заставляло их вздрагивать, а губы начинали провожать стоны. И толчки становились сильнее и сильнее и вот потекла лава извержения... Горячая животворящая, свежая, пахнущая новой жизнью... И они не останавливались, а все также стремились к друг другу. И лава все текла и не останавливалась. Только толчки становились слабее и речка, которая из них вытекала лавой, становилась менее полноводной. И они, провозжая последние толчки, снова целовались. И толчки замолкали, стихали, превращаясь в эхо тех, которые были прежде.

И едва они разъединялись, как руки снова тянулись от него к ней и от нее к нему. И они снова целовались, и снова принадлежали друг другу. И так происходило много раз, пока они не устали.

Они лежали на спинах с закрытыми глазами, как будто потеряли все в мире и обрели главное. И они поплыли по волнам белого накрахмаленного моря из белой простыни. Дыхание становилось ровнее и тише. Они забылись на мгновение и снова стали медленно возвращаться к жизни. Он взял своей рукой ее руку. Она простонала тихо, нежно и сжала своей рукой его

руку. Они заново обретали себя и друг друга. Лежали с закрытыми глазами и руками держали друг друга за руку. Он снова прижался к ней и, не открывая глаза, словно во сне трогал ее тело. Ее талию, ее живот, ее груди, соски, ее шею, ее губы, пупочную выпуклость, ее промежность, нежную и пахнущую его животворящей жидкостью.

Она ощущала его губы, новые поцелуи, его пальцы, руки и сама, узнавая, трогала его тело. Она испытывала стыд, желание и еще что-то другое. Это была другая жизнь. Жизнь новых ощущений. Когда она руками трогала его тело, его незнакомые места, его принадлежности и узнавала их, догадывалась о том, что она трогала, все понимая и ощущая, то потом она открывала глаза и видела то, что она представляла себе, когда происходило узнавание нового и то, что она ощущала недавно, только что в себе.

Они забылись коротким сном. Хрупкая тишина окутывала их, помывочную и всю баню. Казалось, они сами стали источниками звуков. Слышалось дыхание, слышались шорохи рук, шуршание белья. Они тонко чувствовали друг друга и то, что их связывало теперь.

– Ты спишь? – прошептала она.

– Нет, – прошептал он.

– Почему у тебя закрыты глаза?

– Чтобы лучше все ощущать, впитывать и думать.

– О чем ты думаешь?

– О тебе.

– Что именно?

– Какая ты.

– И какая я?

– Удивительная.

– Еще...

– Самая лучшая из всех.

– Правда?

– Да.

– Мне кажется, что я тебя знаю и совсем не знаю, – сказала она.

– Человека можно узнать по тому, как он говорит, какие он делает движения, какие у него привычки, какая мимика.

– Что ты обо мне узнал?

– Что ты страстная, чувственная и чуткая.

– Еще какая?

– Мне, кажется, я понял тебя всю. Передо мной твой образ и я знаю, как ты поступишь в следующий момент. Этот отпечаток тебя теперь находится навсегда во мне.

– Я тоже тебя узнала. Через твои стоны, через твои движения и твоё стремление, Ты деликатный, проникновенный, ответственный.

– Я себя таким не знал. Это ты меня таким делаешь.

– Как ты понял, что я такая?

– Через близость. Когда человек от тебя далеко, то ты его плохо видишь и не представляешь какой он. Когда он подошел к тебе ближе, ты можешь сказать, какое у него лицо, какие глаза, нос, губы. Когда он подходит и становится совсем близко, то ты плохо видишь его в отдельных частях. Но включается внутреннее зрение. А когда вы становитесь совсем близкими и проникаете друг в друга, то включается не только внутренне зрение, но и отстраненное, астральное зрение, и ты видишь человека всего. Он отпечатывается в тебе и становится твоей частью.

– Я тоже тебя вижу таким, какой ты есть.

Они снова обнялись и соединились. И снова была буря и были порывы ветра эмоций. И они затихали и замолкали, слушая любовную тишину. Потом снова говорили и любили друг друга.

– Скажи, как ты меня в этот раз чувствовал? – со стоном спросила она.

– Как будто я вершина... А ты река и ты текла подо мной в самом начале бурливо, а потом плавно и спокойно. Что ты рядом со мной и течешь по мне, по моему ущелью...

Он целовал ее и ощущал трепетное податливое тело. Но не хотел больше ее тревожить, потому что душа казалась свободной, а тело звонким от проходящей боли совокупления.

– Мы взяли с собой продукты и не притронулись к ним.

– Я насытился тобой... И мне не хочется есть...

– И я тоже сыта, – говорила она.

– Ты спишь?

– Нет.

– А что ты делаешь?

– Думаю о тебе.

– Что?

– Какая ты прекрасная, изящная, удивительная и увлекательная.

– И тебя не смущает мои шрамы?

– Нет, нисколько. Я вижу твою душу.

– Когда я была маленькая, мама водила меня гулять в парк. Мы жили недалеко от парка и ходили каждый день туда гулять. По весне мы искали подснежники и слушали соловьев. В парке много цвело жасмина и сирени. Мы сидели на скамейке, и мама мне что-то рассказывала. Она называла меня Моя Роза. Меня больше так никто не называл.

Игорь вспомнил свое детство.

– Мы жили за городом около леса. И часто ходили в лес собирать ягоды и грибы. Недалеко от нас рос черничник. В урожайные годы мы собирали чернику ведрами.

Виолетта слушала его и смотрела куда-то далеко-далеко.

– Мама очень любила садовые цветы. И больше всего она любила розы. Когда у нас появился загородный дом, она посадила много саженцев роз: плетистые розы, кустовые и одиночные. Она все свободное время проводила в саду.

Каждый из них выглядел растроганным и к сказанному другим добавлял свое воспоминание.

– Моя мама любила полевые цветы. Они просты и непосредственны. В них нет нарочитости, изыска, но много естественной красоты. Ее любимые цветы – анютины глазки.

– Это виола, – вспомнила Виолетта. – У нас тоже в саду были такие цветы.

– Да, виола и еще полевые ромашки. Она любила собирать ромашки в садике и за околицей. Соберет, поставит в банку на подоконнике и смотрит. То на одно место поставит цветы, то на другое. И обязательно меняет воду в банке.

– Твоя мама жива?

– Нет, она умерла от менингита. Воспаление, осложнение и все. Она недолго болела.

– А какая у нее была прическа?

– У нее были длинные волосы. Она их каждое утро расчесывала и укладывала в пучок на затылке.

– Моя мама в девушках тоже носила косу. Она любила длинные косы и носила их до замужества. У нас есть фотография, где она с косой.

– Моя Роза, хочешь, я затоплю баню.

– Как ты меня назвал? – спросила она и прослезилась.

– Моя роза... – ответил он.

– Когда я вспоминаю маму, мне всегда хочется плакать.

– Не нужно. Я включу парилку. Через час можно будет париться.

– Твоя мама была высокая?

– Нет, метр, шестьдесят шесть.

– А моя высокая. Она была ростом с папу. Может быть, мне что-нибудь приготовить?

– Мы могли бы обойтись бутербродами.

– Лучше я приготовлю. – Она поднялась, подошла к плите и осмотрела ее. – Духовка тоже есть. Вот и хорошо. Тогда я сделаю любимое блюдо папы.

– Нет, я не стану возражать против любимого блюда папы, – сказал он и улыбнулся.

Ей захотелось показать себя хозяйкой в доме, хотелось показать себя такой, какая она есть, хотелось накормить его чем-то вкусным, представить, как все у них могло бы быть хорошо. Она все умела, и все могла делать по дому. Она готова была сделать для него сейчас все, что угодно. И накормить, и постирать и погладить его одежду. И она все это сделала бы с огромным счастьем, как делают то, чего долго ждешь.

Она надела халат, заперхала у плиты, загремела скородами и противнями.

– Скажи, как тебя звала мама дома?

– Иногда Пончик... Я был толстенький, а она была большой насмешницей, – улыбнулся он. – Но чаще она звала меня Граммушка.

– Почему?

– Фамилия Граммов. Я – Игорь Граммов.

– Отсюда Грэмми?

– Да.

– Мне здесь нравится. Я бы сделала здесь перестановку и купила новую мебель.

– Давай мы не будем этого делать, – с улыбкой перебил он ее.

– Конечно, – рассмеялась она.

В какой-то момент он поймал себя на том, что ему приятно смотреть на то, как она хозяйничает. Поглядывая на нее с любовью, он надел банный халат, который вполне соответствовал обстановке, подошел к двери в парилку, на стене у входа включил парилку и вывел регулятор на полную мощность. Когда он с улыбкой хотел посмотреть, что она готовит, то услышал игривое:

– Не подглядывай.

– Не буду, – сказал он, зашел в парную, включил свет и посмотрел на электропечь.

Она уже в своих недрах накалилась и нагревала парную. Он сел около нее и стал смотреть на камни, которые лежали сверху, и за которыми маячила раскаленная спираль электропечи. Ему хотелось пойти к ней, но он томил себя, выжидал. Почему-то около нее он не мог оставаться спокойным, руки сами тянулись к ее плечам, к ее талии и бедрам. Он хотел ей обладать снова и снова. И только разговоры на бытовые темы, помогали ему отвлекаться от неистребимого желания близости.

Он замер. Душа вышла из него погулять. Не хотелось двигаться. Казалось, он поймал мгновение вечности. Ловить неподвижностью мгновения вечности это он любил. Сидишь и не шевелишься и в какой-то момент ловишь себя на том, что не хочешь шевелиться, потому что можешь нарушить наступившее равновесие сил и течений. В какой-то момент ему показалось, что он поймал мгновение вечности, что он один на всей планете. Летит в неподвижности. Тишина полная. И где-то сияют звезды и летят астероиды и метеориты. Он испугался, что вообще ничего больше нет и не было. Он все это придумал. И это чувство вывело его из состояния равновесия и неподвижности. Он встал и выглянул из парной.

– У меня скоро все будет готово, – сказала она, нарезая на столе салат.

От плиты шли вкусные запахи. Эта домовитость, которая проявилась в помывочной, которая на время превратилась в кухню, несказанно порадовала его. «И пусть так будет всегда, – подумалось ему. – Вот именно так... Наверное, в этом и есть счастливая семейная жизнь. Когда дома тебя ждут и желают видеть и слышать. Его давно никто не ждал. Только

на сцене... А дома – никто. У дома кружили почитательницы его таланта. Только за городом ждала бабушка, которая его воспитала и которую он не баловал своим частым посещением. Когда он приезжал, она готовила ему любимые пирожки. Лучше ее никто не готовил пирожки с мясом, с луком и с капустой».

Он снова скрылся в парной. Сидел и ждал, когда его позовут, боясь испортить идиллию предвкушение нового заполняющего его целиком состояния.

Дверь парной открылась, показалась девичья голова с волнистыми темными волосами.

– У меня все готово, – сказала она.

– Иду, – сказал он и поднялся с лавки.

– Закрой глаза, – попросила она. – Отгадай, что я нам приготовила.

Он с закрытыми глазами и улыбкой на лице вошел в комнату отдыха, которая от помывочной, расположившейся в углу, отделялась перегородкой.

– Печеной картошкой пахнет и еще чем-то вкусным.

– Ты угадал, – сказала она, и за руку подвела к столу. – Это вкусно, – сказала она так, что не поверить ей не было сил. – Картошка, запеченная в духовке с кожурой.

– С кожурой?

– Да, в кожуре самые витамины. Картошка хорошая. Ты попробуешь – пальчики оближешь. Я ее помыла и в печь на противень. Когда она зарумянилась, положила сосиски и на них сверху на каждую по ломтику сыра. Сыр растаял, и получилось такое желтое озеро, которое окружает сосиски.

– Красиво, – вырвалось у него. – Если сосиски, запеченные в сыре, такие же вкусные и привлекательны, как печеная картошка, я буду совсем очарован.

У него оставались сомнения насчет запеченной картошки в мундире. Бабушка делала ее в чугушке. Кажется, это называлось, картошка по-деревенски. Они чистили отваренную картошку, окунали в масло и ели. Или бабушка молодую картошку очищала от кожуры и обжаривала на сковороде. Чтобы есть картошку, порезанную на дольки, запеченную с кожурой в духовке... Этого он еще не пробовал. Но после первой же съеденной картошки он отдал предпочтение именно ей. Кожура представляла собой запеченную тонкую корочку и добавляла особого вкуса.

– Вкусно, – говорил он и улыбался.

– Я тебя буду так кормить, что ты будешь мне все время говорить «вкусно».

– Странно, мы знакомы с тобой сутки, а кажется – вечность, – удивился он.

– Да, – сказала она и замерла. – Неужели всего сутки.

– Даже меньше...

– Ой, я забыла маринованные корншоны. Замри... Я сейчас... – Она поднялась, подбежала к сумке и достала из нее стеклянную банку с огурцами. – На, открой, – попросила она.

Он открутил крышку и подал ей. Она пальчиками достала из банки один огурчик и положила ему в тарелку, потом пальчиками достала второй огурчик и положила себе в тарелку.

– Извини, что я пальчиками.

– Из твоих рук все становится еще вкуснее, Моя Роза, – сказал он и улыбнулся. – Подожди. Нам нельзя наедаться, потому что у нас впереди баня. И еще, мы забыли вино.

– Да, действительно.

– Но это после бани. То, что мы сейчас сделали, называется перекус перед баней. Теперь нам нужно заварить чай.

Он включил чайник на приставном столике и достал с полки чай.

– У Вадика здесь хорошие чай. Он в этом разбирается.

– Можно я для нас чай заварю?

– Можно, – сказал он и уступил ей место у столика с чайником, а сам принялся смотреть, как она хозяйничает.

Каждое ее движение было пропитано любовью и все ее наполнение трогало его за все чувствительные места.

– Накрой чайник петушком, – сказал он и указал рукой на расшитую своеобразную варежку, хранитель тепла, в виде расшитого петуха с гребешком сверху.

Она накрыла заварной чайник хранителем тепла в виде петуха.

– А теперь, сударыня, я приглашаю вас отправиться в парную.

Он взял ее за руку и подвел к лавке около душевой кабины рядом с парной.

– Раздевайтесь, – играя сверх вежливость и обходительность предложил он.

– Спасибо, сначала вы, – принимая его игру, ответила она.

– После вас, сударыня.

– Не беспокойтесь. Это я после вас.

Он, выражая нарочитое послушание, снял халат. Она отвернулась и ждала. Он набросил на бедра полотенца и, обмотав им талию, натянул концы один за другой и скрутил на боку так, чтоб полотенце не раскрутилось. Она по-прежнему ждала.

– Это что за зал ожидания?

– Вы ступайте, парьтесь. Я вас здесь подожду.

Она улыбнулась. Ее улыбка показалась ему странной.

– Что за фокусы? И почему снова на – вы?

– Лучше я что-нибудь еще приготовлю.

В этот момент он понял, что с ней происходит.

– Иди сюда, – он взял ее за руку и притянул к себе. – Ты стесняешься?

– Да.

Он обнял ее.

– Тебе надо, чтобы я выключил свет, зашторил окна?

Она опустила голову.

– Темнота скрывает шрамы, – тихо сказала она.

– Темнота скрывает шрамы и обнажает прекрасные души. Если душа прекрасна, ее не могут испортить шрамы.

Он поцеловал ее в мочку уха, в щеку, в губы. Она не ответила ему.

– Мы одно целое. Не нужно смущаться. Я тебя раздену, попарю, и помою, как лучший банщик. Так весеннее солнце купает нагие тела. Так пчелка порхает вокруг цветка и обмахивает с него пыльцу. Так папа купает свою любимую дочку.

– Меня всегда купала мама, – сказала она.

– Я сделаю это еще нежнее.

Он поцеловал ее, прижал к стене, и она в его руках начала таять. Он ничего не мог поделать с собой, целовал ее и делал руками то, что должен был делать. Он раздевал ее. Она не сопротивлялась. Дыхание становилось бурным и сбивчивым. Он снимал с нее халат. Его руки любили ее. Его губы сливались с ее губами. Ее груди рвались ему навстречу. У них не было сил для любви, но они не могли оставаться друг без друга. Ее талия ждала его рук, а бедра восторгов. Его руки подрагивали от нетерпения. Он сдерживал себя, казалось, долго-долго, как будто целую вечность и теперь летел голубем, пикировал ястребом, скакал необузданным жеребцом, неся ураганом. Ее груди стремились к нему. Ее сосцы касались его груди и становились горячими. Он держал ее за талию и целовал губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.